

ПЕРЕВОДЫ

Юрген Хабермас

Проблематика понимания смысла в социальных науках*

Аннотация. В статье утверждается, что проблематика рационального истолкования социального действия, представляющая внутреннюю метатеоретическую и методологическую задачу социальных наук, должна осмысляться исходя из основополагающего понятия взаимопонимания. Лишь опираясь на обладающую внутренней рациональностью структуру ориентированного на взаимопонимание действия — включающую в себя использование языка как механизма координации действий и достижения согласия, основывающегося на intersубъективном признании притязаний на значимость, — социальный ученый в состоянии, заняв перформативную установку как минимум виртуального участника взаимодействия, осуществить объективную интерпретацию наблюдаемых им социальных процессов.

Ключевые слова. Понимание смысла, рациональность действия, рациональное истолкование, intersубъективное отношение, процессы взаимопонимания, перформативная установка, виртуальное участие, притязания на значимость, контекст.

Та же проблематика рациональности, с которой мы столкнулись при исследовании социологических понятий действия, обнаруживает себя с другой стороны, когда мы рассматриваем вопрос, что значит понимать социальные действия. Основные понятия социального действия и методология понимания социальных действий взаимосвязаны. Различные модели действия предполагают различные отношения действующего субъекта к миру, которые конститутивны не только для аспектов рациональности действия, но и для рациональности истолкования этих действий интерпретатором (например, социальным ученым). Ведь вместе с формальным концептом мира действующий субъект полагается на допущения общности, отсылающие изнутри его перспективы за пределы круга непосредственных участников и претендующие на значимость и для внешнего интерпретатора.

Данная взаимосвязь легко проясняется в случае телеологического действия. Предполагаемое этой моделью действия понятие объективного мира, в который действующий субъект может целенаправленно вмешиваться, должно быть в равной мере значимым как для самого действующего субъекта, так и для любых интерпретаторов его действий. Это и позволяет Максус Веберу сформулировать для телеологического действия идеальный тип целерационального действия, а для интерпретации целерациональных действий — критерий «объективной рациональной правильности»¹.

Субъективно целерациональным Вебер называет целенаправленное действие, «ориентированное только на средства, (субъективно) представляющиеся адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели» [1, с.495]. Ориентация действия может быть описана в соответствии с (предложенной Г. Х. Вригтом) схемой практических

* *Habermas J. Die Problematik des Sinnverstehens in den Sozialwissenschaften // Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1981. S. 152-203.*

© Тягунова Т., 2008.

© Центр фундаментальной социологии, 2008.

¹ Относительно связи веберовских онтологических предпосылок с теорией действия и методологией понимания см.: [21].

выводов². Интерпретатор может выходить за рамки этой *субъективно* целерациональной ориентации действия и сравнивать фактическое протекание действия со сконструированным случаем соответствующего *объективно* целерационального протекания действия. Этот идеально-типический случай интерпретатор может сконструировать без какого-либо произвола, поскольку действующий относится субъективно целерационально к миру, идентичному по категориальным основаниям для действующего субъекта и наблюдателя, т. е. доступному им одним и тем же когнитивно-инструментальным образом. Интерпретатору требуется лишь установить, «как *могло бы* протекать действие при знании всех обстоятельств и всех намерений участников и при строго целерациональном, ориентированном на кажущийся *нам* значимым опыт выборе средств» [69, S.5].

Чем однозначнее действие соответствует объективно целерациональному протеканию, тем менее требуются дальнейшие, объясняющие его *психологические* размышления. В случае объективно целерационального действия описание действия (осуществленное с помощью практических выводов) обладает в то же время и объяснительной силой в смысле интенционального объяснения [73, S.266]. Правда, установление объективной целерациональности действия вовсе не означает, что действующий *должен* был вести себя также и субъективно целерационально; с другой стороны, субъективно целерациональное действие может, конечно, быть субоптимальным согласно объективной оценке: «Мы сопоставляем фактическое действие с “телеологически” рассматриваемым действием, рациональным согласно всеобщим каузальным правилам опыта, чтобы *либо* установить рациональный мотив, который *мог* руководить действующим и который мы намерены выявить, посредством раскрытия его фактических действий как подходящих средств для достижения цели, которую он “мог бы” преследовать; *либо* объяснить, почему известный нам мотив действующего имел вследствие выбора средств *другой* результат, чем субъективно ожидал действующий» [68, S.116 f].

Действие может истолковываться как более или менее целерациональное, если имеются стандарты оценки, которые действующий и его интерпретатор в равной мере принимают в качестве действенных, т. е. в качестве критериев объективной или беспристрастной оценки. Интерпретатор, предлагая, как говорит Вебер, рациональное истолкование, сам высказывает определенное отношение к притязанию, выдвигаемому целерациональными действиями; он оставляет установку третьего лица в пользу установки участника, который подвергает проверке и в случае необходимости критикует проблематичное притязание на значимость. Рациональные истолкования производятся в перформативной установке, поскольку интерпретатор исходит из разделяемой всеми сторонами базы оценок.

Схожее основание предоставляют и два других отношения к миру. Нормативно регулируемое и драматургическое действия также доступны рациональному истолкованию. Правда, здесь возможность рациональной реконструкции ориентаций действия не столь очевидна и фактически не настолько проста, как в вышерассмотренном случае целерационального действия.

В случае нормативно регулируемых действий действующий субъект, вступая в межличностное отношение, устанавливает отношение к чему-то в социальном мире. Субъективно «правильно» (в смысле нормативной правильности) действующий субъект ведет себя, если он полагает, что искренне следует действующей норме действия; а объективно правильно, если соответствующая норма фактически признается оправданной в кругу тех, кому она адресована. Правда, на этом уровне вопрос о рациональном истолковании еще не возникает, поскольку наблюдатель может лишь описательно установить, согласуется ли действие с имеющейся нормой и обладает ли последняя, со своей стороны, социальной значимостью. Действующий же субъект, согласно предпосылкам этой модели действия, может следовать лишь таким нормам (или нарушать их), которые он

² Касательно дискуссии, вызванной данным предложением см.: [58].

субъективно рассматривает в качестве действенных или оправданных; и вследствие данного признания нормативных притязаний на значимость он подвергает себя объективной оценке. Он вынуждает интерпретатора подвергать проверке не только фактическое *совпадение* норм с действием или фактическую значимость нормы, но и правильность самой этой нормы. Интерпретатор может принять или, напротив, отклонить, исходя из ценностно-скептической точки зрения, это требование как бессмысленное.

Если интерпретатор занимает такую скептическую точку зрения, он будет объяснять, исходя из не-когнитивистской разновидности этики, что действующий субъект заблуждается относительно обоснованности норм и вместо оснований способен ввести в случае необходимости эмпирические мотивы для признания норм. Тот, кто следует подобного рода аргументации, вынужден считать понятие нормативно регулируемого действия теоретически неадекватным; он будет пытаться заменить описание, сделанное первоначально в понятиях нормативно регулируемого действия, другим описанием, сделанным, например, в терминах каузалистской теории поведения³. Если интерпретатор, напротив, убежден в теоретической продуктивности модели нормативно регулируемого действия, он должен полагаться на принятые вместе с формальным понятием социального мира допущения общности и допускать возможность проверки нормы, которую действующий субъект считает правильной, на предмет *достойности* ее признания. Такое рациональное истолкование нормативно регулируемого действия основывается на сравнении социальной значимости с контрафактически сконструированной действенностью наличного нормативного контекста. Здесь я не буду останавливаться на методических трудностях производимого интерпретатором за действующего субъекта, т. е. с адвокатских позиций, практического дискурса⁴.

Морально-практическая оценка норм действия, без сомнения, ставит интерпретатора перед еще большими трудностями, чем контроль успешности правил целерационального действия. Однако в принципе нормативно регулируемые, так же как и телеологические действия могут истолковываться рационально.

Такой же вывод следует и из модели драматургического действия. Здесь действующий субъект, раскрывая нечто о себе перед публикой, устанавливает отношение к чему-то в своем субъективном мире. Опять же, формальный концепт мира предоставляет основание для оценки, разделяемое действующим и его интерпретатором. Интерпретатор может истолковать действие рационально в том смысле, что обнаружит элементы введения в заблуждение или самозаблуждения. Он может раскрыть скрыто стратегический характер представления себя, сравнив манифестируемое содержание выражения, т. е. то, что говорит действующий субъект, с тем, что он подразумевает. Интерпретатор может раскрыть, кроме того, систематически искажаемый характер процесса взаимопонимания, показав, как участники производят субъективно правдивые высказывания и все же объективно говорят нечто иное, нежели то, что они подразумевают (причем сами не осознавая). Метод глубинной герменевтической интерпретации неосознаваемых мотивов несет с собой свои трудности, отличные от адвокатской оценки объективно приписанной диспозиции интересов и проверки эмпирического содержания технических и стратегических правил действия. И все же на примере терапевтической критики можно разъяснить, как возможно рациональное истолкование драматургических действий [39, S. 120 ff; 60; 51; 57].

Методы рационального истолкования пользуются в социальных науках сомнительным авторитетом. Критика платонистской научно-экономической модели показывает, что одни оспаривают эмпирическое содержание и объяснительную силу рациональных моделей принятия решений; возражения же против когнитивистских подходов философской этики и сомнения в отношении развитой в гегелевско-марксистской

³ Контroversу между каузалистской и интенционалистской теориями действия доказывает А. Бекерман: [14].

⁴ Ср. указания в: [40, S. 150 ff]. Касательно критической реконструкции реального генезиса системы норм см.: [49, I, S. 57 ff.; 48, p. 73 ff; 50, S. 209 ff].

традиции критики идеологии демонстрируют, что другие сомневаются в возможности морально-практического обоснования норм действия и компенсации частных интересов способными стать обобщенными интересами; наконец, широко распространенная критика научности психоанализа показывает, что многие уже считают проблематичной и *концепцию* бессознательного, понятие двойственного скрыто-манифестируемого значения выражений переживания. Я думаю, что эти возражения, в свою очередь, основываются на сомнительных основных эмпирических допущениях [56]. Мне, однако, нет необходимости подробно останавливаться здесь на этих контроверзах, поскольку моя цель — не доказать *возможность* и теоретическую продуктивность рациональных истолкований, а обосновать более сильное утверждение, а именно: вместе со смыслопонимающим подходом к предметной области социального действия проблематика рациональности оказывается *неизбежной*. Коммуникативные действия всегда требуют в известном смысле рационального истолкования. Отношения стратегически, нормативно и драматургически действующего субъекта к объективному, социальному или субъективному мирам принципиально доступны объективной оценке — для действующего субъекта и его наблюдателя в равной мере. В случае коммуникативного действия даже исход самого взаимодействия зависит от того, в состоянии ли участники прийти к единству относительно *интерсубъективно действенной* оценки своих отношений к миру. Согласно данной модели действия, взаимодействие может иметь успех лишь в том случае, если участникам удастся достичь между собой консенсуса, причем последний зависит от утвердительных/отрицательных высказываний отношения к притязаниям, потенциально базирующимся на основаниях. Я еще проанализирую эту *рациональную внутреннюю структуру ориентированного на взаимопонимание действия*. Пока же вопрос в следующем: отображается ли — и как в таком случае — внутренняя структура взаимопонимания действующих субъектов в понимании не участвующего интерпретатора.

Не заключается ли задача описания взаимосвязей коммуникативного действия просто в как можно более точном прояснении смысла символических выражений, из которых состоит наблюдаемая последовательность? И не является ли данное прояснение значения совершенно независимым от (в принципе поддающейся проверке) рациональности тех высказываний отношения, на которых держится межличностная координация действий? Это было бы верно лишь в том случае, если бы понимание коммуникативного действия допускало четкое разделение вопроса о значении и вопроса о значимости; но именно это и проблема. Без сомнения, мы должны проводить различие между интерпретационной деятельностью наблюдателя, который хотел бы понять смысл символического выражения, и той интерпретационной деятельностью участников взаимодействия, которые координируют свои действия посредством механизма взаимопонимания. В отличие от непосредственных участников, интерпретатор не заботится о способном стать консенсуальным истолковании, чтобы иметь возможность согласовать свои планы действия с планами действия других действующих субъектов. Но, возможно, интерпретационная деятельность наблюдателя и участника различаются лишь по своей функции, а не по своей структуре. Поскольку уже в простое описание, в семантическое прояснение речевого действия должно частично входить то утвердительное/отрицательное высказывание отношения интерпретатора, посредством которого характеризуются, как мы видели, рациональные истолкования идеально-типически упрощенных протеканий действий. Коммуникативные действия могут быть «рационально» истолкованы не иначе как в еще требующем прояснения смысле. Я хотел бы развить этот беспокоящий тезис, руководствуясь проблематикой понимания смысла в социальных науках. Я рассмотрю его сначала из перспективы теории науки (1), а затем последовательно с позиций феноменологического, этнометодологического и герменевтического направлений понимающей социологии (2).

(1) Понимание и взаимопонимание были очерчены в восходящей к Дильтею и Гуссерлю традиции в *онтологической* перспективе: первое — Хайдеггером в «Бытии и времени» (1927) [6] как основная черта человеческого здесь-бытия, второе — Гадамером в

«Истине и методе» (1960) [2] как основная черта исторической жизни. Я отнюдь не собираюсь систематически опираться на этот подход, а хочу лишь зафиксировать, что ведущаяся в последние десятилетия *методологическая* дискуссия об основаниях социальных наук привела к сходным результатам:

«The generation of descriptions of acts by everyday actors is not incidental to social life as ongoing *Praxis* but is absolutely integral to its production and inseparable from it, since the characterization of what others do, and more narrowly their intentions and reasons for what they do, is what makes possible the intersubjectivity through which the transfer of communicative intent is realized. It is in these terms that *verstehen* must be regarded: not as a special method of entry to the social world peculiar to the social sciences, but as the ontological condition of human society as it is produced and reproduced by its members»⁵.

Социология должна найти основывающийся на понимании доступ к своей предметной области, поскольку она обнаруживает в ней процессы взаимопонимания, посредством которых и в которых в известной степени эта предметная область уже предварительно, т. е. до всякого теоретического вмешательства конституирована. Социальный ученый имеет дело с *символически предструктурированными объектами*; они воплощают структуры того дотеоретического знания, с помощью которого способные говорить и действовать субъекты создали эти объекты. Собственный смысл символически предструктурированной реальности, с которым сталкивается социальный ученый при конституировании своей предметной области, содержится в правилах производства, в соответствии с которыми обнаруживаемые в предметной области способные говорить и действовать субъекты прямо или косвенно порождают общественную жизненную взаимосвязь. Предметная область социальных наук охватывает все, что подпадает под описание «составная часть жизненного мира». Что значит данное выражение, можно интуитивно прояснить указанием на те символические объекты, которые мы производим, говоря и действуя: начиная с непосредственных выражений (таких как речевые действия, целенаправленная деятельность, кооперация) до осаждений этих выражений (таких как тексты, традиции, документы, произведения искусства, теории, предметы материальной культуры, товары, техника и т. д.) и опосредованно произведенных, организуемых и самостабилизирующихся образований (институты, общественные системы и личностные структуры).

Речь и действие — непроясненные основные понятия, к которым мы апеллируем, когда хотим прояснить, опять же лишь предварительно, принадлежность к социокультурному жизненному миру, существование его составных частей. Проблема «понимания» в гуманитарных и социальных науках приобрела методологическое значение прежде всего потому, что ученый не получает доступа к символически предструктурированной реальности посредством одного лишь *наблюдения* и что *понимание смысла* не поддается такому же методическому контролю, как наблюдение в эксперименте. Социальный ученый имеет к жизненному миру в принципе такой же доступ, что и социально-научный профан. Он должен уже в известной мере принадлежать жизненному миру, составные части которого он хотел бы описать. Чтобы описать их, он должен уметь понимать их; чтобы понимать их, он должен в принципе быть способным участвовать в их

⁵ «Производство описаний действий повседневными акторами не является второстепенным по отношению к социальной жизни как непрерывно осуществляемой *Практике*, а представляет собой существенную часть ее производства и неотделимо от нее, поскольку характеристика того, что делают другие, точнее их намерений и причин того, что они делают, является тем, что делает возможной intersubjectivity, благодаря которой реализуется передача коммуникативного намерения. В этих терминах и следует рассматривать *verstehen*: не в качестве особого метода проникновения в социальный мир, свойственный исключительно социальным наукам, а в качестве онтологического условия человеческого общества как оно производится и воспроизводится его членами» [35, p. 151; 36, p. 135 ff].

производстве; участие же предполагает принадлежность. Как мы увидим, это обстоятельство запрещает интерпретатору то разделение вопросов значения и значимости, которое способно гарантировать внушающий доверие описательный характер пониманию смысла. В связи с этим я хочу предложить четыре размышления.

(а) Проблематика понимания несет в себе зерно дуалистического взгляда на науку. Историзм (Дильтей, Миш) и неокантианство (Виндельбанд, Рикерт) сконструировали в отношении наук о природе и духе дуализм на уровне дихотомии объяснение vs. понимание. Этот «первый круг» контрверзы объяснение-понимание сегодня уже не актуален [17]. Однако рецепция феноменологического, аналитико-языкового и герменевтического подходов в социологии породила примыкающую к Гуссерлю-Шюцу, Витгенштейну-Уинчу, Хайдеггеру-Гадамеру дискуссию, в которой ввиду методологической роли коммуникативного опыта обосновывается особое положение социальных наук по отношению к прототипическим наукам о природе, таким, например, как физика. В противоположность этому эмпирическая теория науки отстаивала развитый еще в венском неопозитивизме концепт единства наук. Вопреки отдельным эпигонам [12, S. 106 ff] данная дискуссия может быть рассмотрена как завершенная. Критики, опиравшиеся прежде всего на Абеля [10, p. 211 ff], ложно поняли понимание как эмпатию, как таинственный акт проникновения в ментальные состояния другого субъекта; отталкиваясь от эмпирических предпосылок они были вынуждены переистолковать коммуникативный опыт в смысле основанной на вчувствовании теории понимания [38, S. 142 ff; 15, S. 59 ff]⁶.

Начало следующей фазы дискуссии положил постэмпирический поворот в аналитической теории науки [47; 30; 25]. Мэри Хессе выдвинула тезис о том, что в основе общепринятого противопоставления естественных и социальных наук лежит концепт естественных наук, эмпирически-аналитических наук в целом, который, между тем, давно устарел. Вызванные Куном, Поппером, Лакатосом и Фейерабендом дебаты по поводу истории современной физики показали, что (1) данные, на основе которых происходит проверка теорий, не могут быть описаны независимо от соответствующего теоретического языка; (2) выбор теорий осуществляется, как правило, не в соответствии с основными принципами фальсификационизма, а в зависимости от парадигм, которые, как выясняется при попытке уточнения внутритеоретических отношений, соотносятся друг с другом так же, как и партикулярные формы жизни: «I take it that it has been sufficiently demonstrated, that data are not detachable from theory, and that their expression is permeated by theoretical categories; that the language of theoretical science is irreducibly metaphorical and unformalizable, and that the logic of science is circular interpretation, reinterpretation, and self-correction of data in terms of theory, theory in terms of data»⁷. Мэри Хессе заключает отсюда, что (3) построение теорий в естественных науках не в меньшей степени, чем в социальных зависит от интерпретаций, которые могут быть проанализированы в соответствии с герменевтической моделью понимания. Именно с точки зрения проблематики понимания не поддается, как кажется, обоснованию особое положение социальных наук⁸.

В противоположность этому Гидденс совершенно правомерно выдвигает тезис о том, что социальные науки сталкиваются со специфической, а именно *двойной* герменевтической задачей: «The mediation of paradigms or widely discrepant theoretical schemes in science is a hermeneutic matter like that involved in the contacts between other types of meaning-frames. But sociology, unlike natural science, deals with a pre-interpreted world where the creation and

⁶ Превосходный обзор дискуссии см. в: [67].

⁷ «Я полагаю, было в достаточной мере показано, что данные не отделимы от теории и что их представление пронизано теоретическими категориями; что язык теоретической науки неустранимо метафоричен и неформализуем, а также что научная логика есть круговая интерпретация, реинтерпретация и самокоррекция данных с точки зрения теории и теории с точки зрения данных» [42, p. 9].

⁸ Я не буду останавливаться здесь на проблематике введенного Куном для естественных наук понятия парадигмы, которое лишь с оговоркой может быть применено к социальным наукам; см.: [31, p. 925 ff]; см. также ниже S. 201 f.

reproduction of meaning-frames is a very condition of that which it seeks to analyse, namely human social conduct: this is why there is a double hermeneutic in the social sciences...»⁹. Гидденс говорит о «двойной» герменевтике, поскольку в социальных науках проблема понимания встает не только в связи с зависимостью описания данных от теории и зависимостью теоретических языков от парадигмы; здесь проблематика понимания обнаруживает себя еще до порога образования теорий, а именно при *получении*, а не только при *теоретическом описании* данных. Поскольку повседневный опыт, который в свете теоретических понятий и с помощью операций измерения может быть *переоформлен* в научные данные, в свою очередь, уже символически структурирован и недоступен простому наблюдению [29; 45].

Если зависящее от парадигмы теоретическое описание данных требует уровня 1 интерпретации, ставящего все науки перед структурно *схожими* задачами, то для социальных наук можно показать неизбежность уровня 0 интерпретации, на котором отношение между языком наблюдения и языком теории обнаруживает *дальнейшую* проблему. Дело не только в том, что язык наблюдения зависит от языка теории; *до* выбора какой-либо теоретической зависимости социально-научный «наблюдатель» как участник процессов взаимопонимания, посредством которых он только и может получить доступ к своим данным, должен пользоваться соответствующим [изучаемой] предметной области языком. *Специфическая* проблематика понимания состоит в том, что социальный ученый не может «использовать» этот «обнаруживаемый» в предметной области язык как некий нейтральный инструмент. Он не может «войти» в этот язык, не прибегая к дотеоретическому знанию члена некоего, а именно своего собственного жизненного мира, которым [знанием] он как профан интуитивно обладает и, не анализируя, привносит в любой процесс взаимопонимания.

Это воззрение, разумеется, не ново, а является именно тем тезисом, который всегда отстаивали критики концепта единства наук. Оно лишь предстает в новом свете, поскольку аналитическая теория науки с ее недавним постэмпиристским поворотом на *собственном* пути *воспроизвела* данное критическое воззрение, которое ей поставили в упрек теоретики понимания. Но оно и без того уже располагалось на линии прагматической логики науки от Пирса до Дьюи [22, p. 165 ff; 16].

(б) В чем же состоят особые методологические трудности понимания в науках, которые вынуждены раскрывать свою предметную область посредством интерпретации? Этот вопрос еще в 1959 году рассматривал Г. Шервхейм [64, p. 213-239, 265-302]. Шервхейм относится к тем, кто возобновил спор о социально-научном объективизме, дискуссию, которая была временно завершена обобщающим исследованием Р. Ф. Бернштейна «Реструктурирование социальной и политической теории» (1976). Вследствие сенсационного впечатления, произведенного книгой «Идея социальной науки» П. Уинча (1958) [5], не был в достаточной мере замечен тот факт, что именно Шервхейм был тем, кто первым показал методологически неприемлемые следствия проблематики понимания, т. е. проблематичное в понимании.

Шервхейм начинает с тезиса, что понимание смысла является модусом опыта. Если *смысл* полагается в качестве основного теоретического понятия, то символические значения должны рассматриваться в качестве данных: «What is of interest for us... is, that *meanings* — the meaning of other people's expressions and behaviour, the meanings of written and spoken words — *must be regarded as belonging to that which is given*... In other words, what we propose

⁹ «Посредническая роль парадигм или крайне различных теоретических схем в науке является герменевтическим вопросом, аналогичным тому, который касается взаимодействия между другими типами смысловых рамок. Но социология, в отличие от естественных наук, имеет дело с пред-интерпретированным миром, в котором создание и воспроизводство смысловых рамок как раз и является условием того, что она [социология] стремится анализировать, а именно социального поведения людей: в этом и состоит причина существования двойной герменевтики в социальных науках...» [35, p. 158].

is a perceptual theory of meaning, and of our knowledge of other minds»¹⁰. Анализ «восприятия» символических выражений показывает, в чем состоит отличие понимания смысла от восприятия физических предметов: понимание смысла требует установления *интерсубъективного отношения* с субъектом, который произвел выражение. Так называемая теория восприятия значения проясняет понятие коммуникативного опыта, наталкиваясь при этом на «забытую тему» аналитической теории науки: интерсубъективность, устанавливающаяся в коммуникативном действии между Я и Другим. Шервхейм подчеркивает различие между двумя основными установками. Тот, кто в роли *третьего лица* наблюдает нечто в мире или делает высказывание о чем-то в мире, занимает объективирующую установку. Напротив, тот, кто участвует в коммуникации и вступает в интерсубъективное отношение в роли *первого лица* (Я) со *вторым лицом* (которое, в свою очередь, относится в качестве Другого к Я как второму лицу), занимает не-объективирующую или, как мы сегодня сказали бы, перформативную установку.

Наблюдения каждый делает сам для себя и проверяет сделанные на основе наблюдения высказывания другого наблюдателя (в случае необходимости на основе результатов измерений) опять же каждый для себя. Если этот процесс приводит у различных, принципиально любых наблюдателей к согласующимся высказываниям, объективность наблюдения может быть признана как достаточным образом гарантированная. Понимание же смысла, напротив, является — именно в силу своей коммуникативности — солипсистски неосуществимым опытом. *Понимание* символического выражения в принципе требует участия в процессе *взаимопонимания*. Значения, все равно, воплощены они или нет в действиях, институтах, продуктах труда, словах, кооперативных связях или документах, могут быть раскрыты лишь *изнутри*. Символически предструктурированная реальность образует универсум, который будет оставаться герменевтически закрытым, т. е. непонятным для взоров неспособного к коммуникации наблюдателя. Жизненный мир раскрывается лишь субъекту, который использует свою языковую компетентность и компетентность действовать. Благодаря этому он получает доступ к тому, чтобы участвовать как минимум виртуально в процессах коммуникации членов и таким образом самому стать как минимум потенциальным членом.

Социальный ученый должен при этом использовать некую компетентность и некое знание, которым он интуитивно располагает в качестве профана. До тех пор, пока он не идентифицировал и не проанализировал это дотеоретическое знание, он не может контролировать, в какой мере и с какими последствиями он как участник еще и *вмешивается* и тем самым изменяет процесс коммуникации, в который он всего лишь *вступает* с тем, чтобы понять его. Между процессом понимания и процессом производства существует непроясненная обратная связь. Проблематика понимания может быть, таким образом, сведена к краткому вопросу: как совместить *объективность понимания* с перформативной установкой того, кто участвует в процессе взаимопонимания?

Шервхейм анализирует методологическое значение смены объективирующей установки на перформативную. С этой сменой, как он считает, связана двойственность социальных наук, «which is the result of the fundamental ambiguity of the human situation; that the other is there both as an object for me and as another subject with me. This dualism crops up in one of the major means of intercourse with the other — the spoken word. We may treat the words that the other utters as sounds merely; or if we understand their meaning we may still treat them as facts, registering the fact that he says what he says; or we may treat what he says as a *knowledge claim*, in which case we are not concerned with what he says as a fact of his biography only, but as something which can be true or false. In both the first cases the other is an object for me, although

¹⁰ «Что нас интересует... так это то, что *смыслы* — смысл выражений и поведения других людей, смыслы написанных и произнесенных слов — *должны рассматриваться как принадлежащие тому, что дано...* Другими словами, то, что мы предлагаем, — это перцептивная теория смысла и нашего познания разума других» [64, p. 272].

in different ways, while in the latter he is a fellow-subject who concerns me as one on an equal footing with myself, in that we are both concerned with our common world»¹¹.

Шервхейм обращает здесь внимание на то интересное обстоятельство, что перформативная установка первого лица в отношении второго лица означает одновременно ориентацию на притязания на значимость. В этой установке Я не может рассматривать выдвинутое Другим притязание на истинность как нечто происходящее в объективном мире; Я принимает это притязание *фронтально*, оно [Я] должно воспринять это притязание со всей серьезностью, должно отреагировать на него посредством утверждения или отрицания (иначе вопрос о том, правомерно ли это притязание, еще определенно не может быть поставлен). Я должно воспринять выражение Другого в качестве символически воплощенного знания. Это объясняется характером процессов взаимопонимания. Тот, кто хочет достичь взаимопонимания, должен допустить наличие общих стандартов, на основе которых участники способны решать, достигнут ли консенсус. Однако если участие в процессах коммуникации означает, что один должен высказать свое отношение к притязаниям на значимость другого, то социальный ученый — в тот момент, когда он *накапливает* коммуникативный опыт, — даже не обладает правом выбора в пользу понимания выражения своего партнера как простого факта. При этом встает вопрос, может ли он вообще рассматривать независимо друг от друга различаемые Шервхеймом случаи два и три, понимание семантического содержания выражения и реагирование на связанное с ним притязание на действенность. Шервхейм пока не предлагает удовлетворительного анализа, однако его размышления уже указывают на важные в рамках нашего контекста следствия.

(в) Если понимание смысла рассматривается как модус опыта, и если коммуникативный опыт возможен лишь в перформативной установке участника взаимодействия, наблюдающий социальный ученый, накапливающий зависящие от языка данные, должен занять такое же положение, как и социально-научный профан. Насколько далеко простирается структурное подобие интерпретационной деятельности одного и другого? При ответе на этот вопрос полезно помнить, что речь и действие — не одно и то же. Непосредственные участники преследуют в повседневной коммуникативной практике цели *действия*; участие в совместном процессе истолкования служит установлению консенсуса, на основе которого они координируют свои планы действий и могут реализовывать соответствующие цели. Цели действия *такого рода* социально-научный интерпретатор не преследует. Он участвует в процессе взаимопонимания ради понимания, а не ради достижения цели, по отношению к которой должны координироваться целенаправленное действие интерпретатора и целенаправленное действие непосредственного участника. Система действий, с которой соотносится социальный ученый *как действующий субъект*, располагается в другой плоскости; она, как правило, является сегментом научной системы, не совпадая с наблюдаемой системой действия. Социальный ученый участвует в последней,

¹¹ «которая является результатом фундаментальной двусмысленности человеческой ситуации; поскольку другой одновременно является и объектом для меня и таким же субъектом, как я. Этот дуализм обнаруживается в одном из важнейших средств отношений с другим — устным слове. Мы можем рассматривать слова как всего лишь издаваемые другим звуки; или, если мы понимаем их смысл, мы можем рассматривать их еще и как факты, регистрируя тот факт, что другой говорит то, что он говорит; или мы можем рассматривать то, что он говорит, как *претензию на знание*, в таком случае то, что он говорит, интересует нас не только как факт его биографии, но и как нечто, что может быть достоверным или ложным. В первых двух случаях другой выступает объектом для меня, пусть и различным образом, в то время как в последнем случае он является равноправным субъектом, который интересует меня как занимающий такое же положение как и я, в котором мы оба проявляем интерес к нашему общему миру» [64, p. 265]. Шервхейм открыто присоединяется к трансцендентальной теории интерсубъективности Гуссерля; но в действительности его анализ ближе к основным идеям восходящей к М. Буберу и Ф. Розенцвейгу диалогической философии; М. Тёнисен понимает философию диалога, которую он приписывает также Розеншток-Хюси и Гризебаху, как контрпроект картезианской, т. е. монологически разворачиваемой трансцендентальной феноменологии. См.: [65]. По поводу Гуссерля см.: [44, p. 144 ff].

так сказать, *с вычетом своих свойств действующего субъекта*, концентрируясь как говорящий и слушающий исключительно на процессе взаимопонимания.

Это можно пояснить на модели гуманитарного ученого, который расшифровывает переданные традицией документы, переводит тексты, истолковывает традиции и т. д. В этом случае участники подлинного процесса взаимопонимания могут даже не заметить виртуальное участие интерпретатора, отделенного от них временным интервалом. Данный пример проливает также свет на противоположную модель участвующего наблюдателя, активное присутствие которого неизбежным образом изменяет исходную сцену. Даже в этом случае действия, с помощью которых интерпретатор более или менее незаметно пытается включиться в наличный контекст, имеют *вспомогательную функцию* для преследуемого в качестве самоцели участия в процессе взаимопонимания, выступающего ключом к пониманию действий *других* действующих субъектов. Я оставляю нуждающееся в прояснении выражение «вспомогательная функция» и говорю только о «виртуальном» участии, поскольку интерпретатор, будучи рассмотрен в качестве действующего субъекта, преследует цели, которые соотносятся не с актуальным контекстом, а с *другой* системой действий. В этом отношении интерпретатор не преследует внутри контекста наблюдения *собственных* целей действия.

Итак, что же означает *роль виртуального участника* в связи с вопросом об объективности понимания социально-научного интерпретатора? Рассмотрим названные Шервхеймом альтернативы. Если интерпретатор ограничивается наблюдением в строгом смысле слова, он воспринимает лишь физические субстраты выражений, не понимая их. Чтобы приобрести коммуникативный опыт, он должен занять перформативную установку и принять участие в подлинном процессе взаимопонимания, пусть даже лишь виртуально. Может ли он при этом, как полагает Шервхейм, ограничиться описательной фиксацией семантического содержания выражений, т. е. как если бы оно было неким фактом, не реагируя на притязания на значимость, которые участники выдвигают вместе со своими выражениями? Может ли интерпретатор полностью воздержаться от оценки действительности выражений, подлежащих описательной фиксации?

Чтобы понять выражение, типичный случай ориентированного на взаимопонимание речевого действия, интерпретатор должен знать условия его действительности; он должен знать, при каких условиях связанное с ним притязание на значимость приемлемо, т. е. должно, как правило, признаваться слушающим. Мы понимаем речевой акт лишь тогда, когда знаем, что делает его приемлемым. Откуда же интерпретатор может получить это знание, если не из контекста наблюдаемой в каждом случае коммуникации или из поддающихся сравнению контекстов? Он может понять значение коммуникативных актов лишь постольку, поскольку последние укоренены в контексте ориентированного на взаимопонимание *действия* — это центральное воззрение Витгенштейна и исходный пункт его теории употребления значения [13; 33, S. 72 ff]. Интерпретатор, видя, как планы действий участников координируются через образование консенсуса и как обрываются связи между действиями различных действующих субъектов вследствие отсутствия консенсуса, устанавливает, при каких условиях символические выражения признаются действительными и когда связанное с ними притязание на значимость подвергается критике и отклоняется. Интерпретатор, таким образом, не может объяснить семантическое содержание выражения независимо от контекстов действия, в которых участники реагируют на спорное выражение посредством утверждения, отрицания либо воздержания от высказывания. И эти утвердительные/отрицательные высказывания он опять же не понимает, если не в состоянии продемонстрировать имплицитные основания, которые участники привлекают для высказывания своего отношения. Поскольку согласие и разногласия опираются — в той мере, в какой они измеряются по взаимно выдвинутым притязаниям на значимость, а не обуславливаются всего лишь внешними обстоятельствами — на основания, которыми мнимо или фактически располагают участники. Эти большей частью имплицитные основания образуют оси координат, на которых разворачиваются процессы взаимопонимания. Однако

если интерпретатор, чтобы понять выражение, должен *представить себе те основания*, с помощью которых говорящий в случае необходимости и при подходящих обстоятельствах будет отстаивать действенность своего выражения, то он *сам* будет втянут в процесс оценки притязаний на значимость.

Материя оснований такова, что они совершенно не поддаются описанию в установке третьего лица, т. е. без реакции подтверждения, отклонения или воздержания. Интерпретатор не поймет, что такое «основание», если не реконструирует его вместе с его притязанием на значимость, т. е. в смысле Макса Вебера: *не истолкует рационально*. Описание оснований требует *eo ipso* оценки и в том случае, если тот, кто дает описание, видит себя неспособным оценить в данный момент их обоснованность. Основания можно понять лишь в той мере, в какой понимают, *почему* они обоснованы или не обоснованы, и почему при данных условиях решение о том, хороши они или плохи, (еще) не может быть принято. Поэтому интерпретатор не может истолковать выражения, потенциально связанные посредством поддающихся критике притязаний на значимость с основаниями и тем самым репрезентирующие знание, не высказывая своего отношения к ним. И он не может высказать своего отношения, не применяя *собственных* стандартов оценки, во всяком случае, стандартов, которые он усвоил. Последние критически соотносятся с другими, отличными от них стандартами оценки. Вместе с высказыванием отношения к выдвинутому Другим притязанию на значимость в каждом случае начинают применяться стандарты, которые интерпретатор не просто обнаруживает, а должен признать в качестве правильных. В этом отношении всего лишь виртуальное участие не освобождает интерпретатора от обязательств непосредственного участника: в том пункте, который имеет решающее значение для вопроса об объективности понимания, от обоих – и социально-научного наблюдателя, и социально-научного профана – требуется одинакового типа интерпретационная деятельность.

Осуществлявшиеся до сих пор размышления должны были показать, что метод понимания смысла ставит под вопрос привычный тип объективности познания, поскольку интерпретатор, даже если и без наличия собственных целей действия, должен принимать участие в коммуникативных действиях и соотноситься с обнаруживаемыми в самой предметной области притязаниями на значимость. Он должен отнестись к внутренней рациональной структуре ориентированного на притязания на значимость действия посредством в известном смысле рационального истолкования. Последнее интерпретатор может нейтрализовать лишь ценой занятия положения объективирующего наблюдателя; но исходя из него, внутренние смысловые взаимосвязи вообще не доступны. Таким образом, существует *фундаментальная взаимосвязь между пониманием коммуникативных действий и в известном смысле рациональными истолкованиями*. Эта взаимосвязь фундаментальна, поскольку коммуникативные действия не истолковываются *в два этапа*, сначала понимаясь в своем фактическом протекании и лишь потом сравниваясь с идеальнo-типической моделью протекания. Более того, виртуально, без собственных целей действия участвующий интерпретатор может описательно зафиксировать смысл фактически протекающего процесса взаимопонимания лишь при условии, что он оценивает согласие и разногласия, притязания на значимость и потенциальные основания, с которыми он соотносится, исходя из общей, принципиально *разделяемой* им и непосредственными участниками основы. Данное условие всякий раз оказывается обязательным для социально-научного интерпретатора, когда он кладет в основу своих описаний модель коммуникативного действия. Это вытекает, как я хотел бы показать в заключение, из онтологических — в широком смысле — предпосылок этой модели.

(г) Описывая поведение как телеологическое действие, мы исходим из допущения, что действующий полагается на определенные онтологические предпосылки, что он учитывает объективный мир, в котором может нечто познавать и в который может целенаправленно вмешиваться. Мы, наблюдающие действующего субъекта, исходим, в свою очередь, из определенных онтологических предпосылок относительно субъективного мира действующего субъекта. Мы проводим различие между «миром» и миром, как он предстает с

позиции действующего. Мы может описательно установить, что́ действующий субъект *считает* истинным в отличие от того, что (по нашему мнению) истинно. Выбор между описательным и рациональным истолкованием состоит в том, что мы решаем, игнорировать ли или принимать всерьез в качестве притязаний, доступных объективной оценке, притязание на истинность, которое действующий субъект связывает со своими мнениями, и соотносящееся с истинностью притязание на успешность, которое он связывает со своими телеологическими действиями. Игнорируя их в качестве притязаний на значимость, мы тем самым рассматриваем мнения и цели как нечто субъективное, т. е. как нечто, что, будучи высказано действующим субъектом, раскрыто или выражено им перед публикой в качестве его мнения или цели, должно быть приписано его субъективному миру. В этом случае мы нейтрализуем притязания на истинность и успешность посредством того, что рассматриваем мнения и цели как экспрессивные выражения; а они могут быть оценены объективно лишь с точки зрения правдивости и аутентичности. Но подобная точка зрения не применима к телеологическому действию принципиально одинокого, так сказать, лишенного публики действующего субъекта. Если мы, напротив, принимаем всерьез притязания действующего субъекта, и именно таким образом, каким он сам считает их рациональными, мы подвергаем его (предполагаемые) шансы на успех критике, основывающейся на *нашем* знании и нашем сравнении фактического с идеально-типически спроектированным целерациональным протеканием действия. Действующий, разумеется, может *ответить* на эту критику лишь в том случае, если мы наделим его другими компетентностями, нежели те, которые допускает модель телеологического действия. *Взаимная* критика была бы возможна лишь в том случае, если бы действующий мог, со своей стороны, установить межличностные отношения, действовать коммуникативно и даже принять участие в особой, связанной со множеством предпосылок коммуникации, которую мы назвали дискурсом.

Аналогичный мысленный эксперимент мы можем поставить и в том случае, если описываем поведение как нормативно регулируемое действие. При этом мы исходим из допущения, что действующий субъект учитывает второй, а именно социальный мир, в котором он может проводить различие между согласующимся с нормами или отклоняющимся от них поведением. В то же время мы, как наблюдатели, исходим, со своей стороны, из онтологических предпосылок относительно субъективного мира действующего субъекта, так что можем проводить различие между социальным миром, как он предстает для действующего субъекта, социальным миром, как он предстает для других членов, и *социальным миром*, как он предстает для *нас*. Выбор между рациональным и описательным истолкованием и здесь заключается в решении касательно того, принимаем ли мы *mutatis mutandis* всерьез или истолковываем лишь как нечто субъективное нормативное притязание на значимость, которое действующий субъект связывает со своими действиями. И здесь описательное истолкование основывается на переинтерпретации того, что́ действующий субъект, следуя признанной в качестве легитимной норме, считает рациональным. И здесь в случае рационального истолкования сохраняется асимметрия между нами и действующим субъектом, который в границах модели нормативного действия не наделен способностью в качестве участника дискурса *оспаривать* в гипотетической установке значимость норм.

Данная асимметрия сохраняется и тогда, когда мы описываем поведение как драматургическое действие и оснащаем действующего субъекта соответствующими концептами мира. Мы, наблюдатели, апеллируем в случае рационального истолкования к компетентности осуществлять оценку, которую сам действующий субъект не может опротестовать. Ибо мы должны считать себя способными подвергнуть критике, в данном случае на основе косвенных улик, экспрессивное выражение, которое сам действующий субъект осуществляет с притязанием на правдивость, как самозаблуждение, при том что действующий субъект в границах модели драматургического действия не в состоянии защитить себя от нашего рационального истолкования.

Основные понятия телеологического, нормативно регулируемого и драматургического действий обеспечивают *методологически релевантное различие* между

уровнем интерпретации действия и уровнем проинтерпретированного действия. Однако как только мы начинаем описывать поведение в понятиях коммуникативного действия, наши собственные онтологические предпосылки оказываются для нас не более комплексными, чем те, которые мы приписываем самим действующим субъектам. Различие между обоими понятийными уровнями — уровнем координируемых с помощью языка действий и уровнем координируемой с помощью языка интерпретации, которую мы как наблюдатели даем им, — действует не более как защитный фильтр. Поскольку, согласно предпосылкам модели коммуникативного действия, действующий располагает столь же широкой интерпретационной компетентностью, как и сам наблюдатель. Действующий субъект теперь не только оснащен тремя концептами мира, но и способен употреблять их рефлексивным образом. Удачный исход коммуникативного действия зависит, как мы видели, от процесса интерпретации, в котором участники приходят внутри системы отношений с тремя мирами к общему определению ситуации. Любой консенсус основывается на интересубъективном признании притязаний на значимость, которые могут быть подвергнуты критике; при этом предполагается, что коммуникативно действующие субъекты *способны к взаимной критике*.

Но как только мы наделяем действующих субъектов *этой* способностью, мы утрачиваем как наблюдатели нашу *привилегированную позицию* в отношении своей предметной области. Мы более не располагаем выбором давать наблюдаемой последовательности взаимодействий либо описательное, либо рациональное истолкование. Как только мы приписываем действующим субъектам *такую же* компетентность осуществлять оценку, к которой мы апеллируем как интерпретаторы их выражений, мы утрачиваем иммунитет, который до сих пор был гарантирован нам методологически. Мы оказываемся вынуждены принять участие в перформативной установке (даже если и без наличия собственных целей действия) в процессе взаимопонимания, который мы хотели бы описать. Тем самым мы подвергаем наше истолкование *в принципе* такой же критике, которой должны взаимно подвергать свои интерпретации коммуникативно действующие субъекты. Но это значит, что различие между описательным и рациональным истолкованием на этом уровне оказывается лишенным смысла. Или точнее: в известном смысле *рациональное* истолкование является здесь единственным путем к раскрытию *фактического* протекания коммуникативного действия. Оно не может иметь статус *ad hoc* образованного идеального типа, т. е. статус дополнительной модели рациональности, поскольку последняя *не может предоставить независимое* от него [истолкования] описание фактического протекания действия, с которым ее можно было бы сравнить.

Это ретроспективным образом проливает свет на рациональные истолкования типов действия первого уровня. Сравнение фактического протекания действия с моделью, которая стилизует действие, исходя из всякий раз единственного аспекта рациональности (пропозициональной истинности, эффективности или инструментальной успешности, нормативной правильности, аутентичности или правдивости), требует описания действия, *независимого* от рационального истолкования. Эта предварительная герменевтическая деятельность не тематизируется, а наивно предполагается в моделях действия первого уровня. Описание фактического протекания действия требует комплексного истолкования, которое имплицитно уже использует понятия коммуникативного действия и, как и сами повседневные интерпретации, несет в себе черты в известном смысле рационального истолкования. Возможность выбора между описательным и рациональным истолкованием возникает лишь в том случае, если одна из не-коммуникативных моделей действия обязывает наблюдателя к абстрагированию, т. е. к тому, чтобы вычленять из комплекса протекающего посредством выдвижения притязаний на значимость взаимодействия всякий раз лишь один аспект.

(2) Если мы настолько концептуально обогащаем модели действия первого уровня, что интерпретация и понимание смысла оказываются основными чертами самого социального действия, то вопрос о том, как деятельность понимания социально-научного наблюдателя связывается с естественной герменевтикой повседневной коммуникативной

практики, как коммуникативный опыт преобразуется в данные, уже не может низводиться до формата частной исследовательско-технической проблемы. Благодаря этнометодологии [34] и философской герменевтике [38] данное воззрение вновь обретает актуальность и беспокоит конвенциональное, определяемое постулатом ценностной нейтральности самопонимание социологии [4; 70]¹². В этих труднообозримых дискуссиях¹³ лишь в недавнее время наметилось предложение, на котором я и хочу сконцентрироваться; и именно то обстоятельство, из которого вытекает проблема понимания смысла, и может быть рассмотрено в качестве ключа к ее разрешению [24, S. 15 ff; 46].

Если социальный ученый должен, как минимум виртуально, участвовать во взаимодействиях, значение которых он хотел бы понять; и если это участие, кроме того, означает, что он должен имплицитно высказать свое отношение к притязаниям на значимость, которые непосредственные участники связывают в коммуникативных действиях со своими выражениями, тогда социальный ученый не может связать свои собственные понятия с обнаруживаемыми в контексте понятиями никаким иным образом, кроме как так, как это делают сами профаны в своей коммуникативной повседневной практике. Он движется внутри тех же структур возможного взаимопонимания, в которых непосредственные участники осуществляют свои коммуникативные действия. Однако наиболее общие структуры коммуникации, которыми овладели способные говорить и действовать субъекты, не только открывают *доступ* к определенным контекстам и делают возможным *присоединение* и дальнейшее развитие контекстов, которые участники, как это сначала могло бы показаться, вовлекают в сферу всего лишь партикулярного. Эти самые структуры предоставляют одновременно и критические средства для того, чтобы проникнуть в наличный контекст, подорвать его изнутри и выйти за его пределы, чтобы в случае необходимости *предпринять* на основе фактически установленного консенсуса *необходимые меры*, пересмотреть ошибки, исправить недоразумения и т. д. *Эти же структуры, делающие возможным взаимопонимание, обеспечивают и возможности рефлексивного самоконтроля процесса взаимопонимания.* Это тот заложенный в самом коммуникативном действии потенциал критики, который социальный ученый, включаясь в качестве виртуального участника в контексты повседневных действий, может систематически использовать и делать значимым, исходя из этих контекстов, вопреки их партикулярности. Я хочу кратко обозначить, как это воззрение реализуется в дискуссии о методах, с самого начала сопровождающей понимающую социологию.

(а) В контексте немецкой социологии двадцатых годов следствия основанного на понимании смысла подхода к символически предструктурированной реальности наиболее последовательно были продуманы А. Шюцем [62; 7]. Он осознает, что вместе с выбором основных понятий теории действия мы сталкиваемся с, как минимум, тремя предварительными методическими решениями. *Во-первых*, решение описывать общественную реальность таким образом, чтобы она понималась как вытекающий из интерпретационной деятельности непосредственных участников конструкт повседневного мира: «...социальный мир... имеет собственное значение и структуру релевантности для человеческих существ, в нем живущих, думающих и действующих. Они уже осуществили выборку и проинтерпретировали этот мир в конструктах обыденного мышления повседневной жизни, и именно эти объекты мышления воздействуют на их поведение, определяют цели их действий и доступные средства их достижения» [8, с.9]. Понимание смысла — это привилегированный модус опыта членов жизненного мира. Разумеется, и социальный ученый должен пользоваться этим модусом опыта. Именно благодаря ему он получает свои данные.

¹² В данном контексте я не буду останавливаться на методологическом значении тезиса Куайна о радикальной неопределенности перевода; см. в связи с этим: [74, p. 49 ff; 32, p. 53 ff].

¹³ Они были начаты в Германии вместе с так называемым позитивистским спором: [11].

Это и есть *второе* решение, которому Шюц (вместе с М. Вебером и У. И. Томасом) придает форму постулата: «Для того чтобы объяснить человеческие действия, ученый должен спросить себя, какую модель индивидуального сознания можно создать и какое типичное содержание должно быть ей придано, чтобы она могла объяснить наблюдаемые факты как продукт деятельности такого сознания в доступных пониманию отношениях. Следование этому постулату гарантирует возможность сводить все виды человеческих действий или их результаты к субъективным значениям таких действий или их результатов, т. е. значений, придаваемых самим действующим своему действию» [8, с.43].

Однако этот постулат имеет для Шюца не только исследовательско-техническое значение; напротив, из него вытекает, *в-третьих*, специфическое ограничение для построения теории. Теоретические понятия, в которых социальный ученый формулирует свои гипотезы, должны быть определенным образом связаны с дотеоретическими понятиями, в которых члены интерпретируют свою ситуацию и контекст действий, в котором они участвуют. Шюц не обосновывает подробно, почему из «двойной герменевтической» задачи социальных наук с необходимостью следует такая внутренняя обратная связь теории с повседневным пониманием участников, чьи выражения должны быть объяснены при помощи теории. Он просто постулирует: «Каждый термин в научной модели человеческого действия должен быть таким, чтобы индивидуальное человеческое поведение в жизненном мире, соответствующее этому конструкту, было бы понятно как самому действующему, так и его партнерам в терминах обыденных интерпретаций повседневной жизни. Следование этому постулату гарантирует совместимость конструктов социального ученого с конструктами обыденного опыта социальной реальности» [8, с.43-44].

Языковые игры, которые социальный ученый обнаруживает в своей предметной области и в которых он, как минимум виртуально, должен участвовать, носят в каждом случае партикулярный характер. Как может социально-научная теория опираться на понятия конкретного жизненного мира и в то же время отмежевываться от его партикулярности? Шюц считает, что социально-научный наблюдатель занимает *теоретическую установку*, которая позволяет ему преодолевать относящуюся к жизненному миру перспективу как свою собственную, так и исследуемой повседневной практики. В то время как мы в качестве членов жизненного мира включены в «мы-отношение», занимаем специфическое для Я и группы место в пространственно-временной системе координат жизненного мира, относимся как Я к Другому или Другим, проводим различие между предшественниками, современниками и потомками, принимаем в качестве само собой разумеющегося культурные данности и т. д., социально-научный наблюдатель порывает со своей *естественной* (или перформативной) установкой и помещает себя в место по ту сторону своего, вообще какого-либо жизненного мира, т. е. во внемирное место: «Не имея собственного “здесь” в социальном мире, социальный ученый не организует этот мир вокруг себя самого. Он никогда не может войти в образец взаимодействия как одно из действующих лиц социального театра, не отказавшись, хотя бы на время, от своей научной установки. Участвующий наблюдатель или полевой работник входит в контакт с изучаемой группой как человек среди людей; лишь система релевантностей, служащая схемой отбора и интерпретации данных, определена его научной установкой, временно отодвинутой на второй план, чтобы быть возобновленной вновь» [8, с.40].

Теоретическая установка характеризуется как установка «незаинтересованного» наблюдателя; она, в общем, должна создать дистанцию по отношению к повседневным, биографически укорененным интересам. Поскольку Шюц не может, как Гуссерль, апеллировать к особому методу воздержания от суждений (*Epoché*), он вынужден иначе объяснять нейтрализацию относящейся к жизненному миру перспективы. Он объясняет ее с помощью специфической смены систем релевантностей. В этом и состоит *решение* ученого заменить системой научных ценностей систему ценностей своей повседневной практики («*by establishing the life-plan for scientific work*»), являющееся достаточным для того, чтобы привести к *смене естественной установки на теоретическую*. Данное объяснение не

является вполне удовлетворительным. Если бы теоретическая установка определялась лишь ценностями подсистемы науки, Шюц должен был бы объяснить методологическую роль этих особых ценностных ориентаций. Он должен был бы показать, почему именно они помогают решить проблему, состоящую в том, чтобы связать построение теории с коммуникативно проясненным дотеоретическим знанием, которое социальный ученый обнаруживает в своей предметной области, не привязывая в то же время значимость своих высказываний к (обнаруженному или привнесенному им) контексту жизненного мира.

Лишь вскользь Шюц делает замечание, которое позволяет распознать отправную точку для решения: «[Понимание] не является частным делом наблюдателя, не подлежащим проверке в опыте других наблюдателей. [Оно как минимум в той мере проверяемо, в какой частные восприятия смысла одного индивида могут при определенных условиях контролироваться другими индивидами]» [9, с.58]. Если возможные коррективы вводящего в заблуждение коммуникативного опыта, так сказать, встроены в само коммуникативное действие, социальный ученый не может гарантировать объективность своего познания тем, что «наденет» на себя фиктивную роль «незаинтересованного наблюдателя» и таким образом ускользнет в некое утопическое место за пределами коммуникативно доступного жизненного контекста. Скорее, ему необходимо искать условия объективности понимания в общих структурах процессов взаимопонимания, в которые он включается с тем, чтобы установить, может ли он, зная эти условия, рефлексивным образом обрести достоверность относительно следствий своего участия.

(б) В краткой истории этнометодологии это — центральный вопрос, мнения по которому расходились [19, р. 179 ff; 75, р. 6 ff]. Этнометодологи, с одной стороны, подчеркивают процессуальный и лишь партикулярный характер интерпретативно производимой участниками повседневной практики, с другой стороны, делают методологические следствия из того обстоятельства, что социальный ученый в принципе имеет статус одного из участников. Оба аспекта выделяются ими более четко, нежели А. Шюцем, на которого они опираются. Это порождает дилемму, которая будет оставаться неразрешимой до тех пор, пока кооперативные процессы истолкования не будут поняты как ориентированное на притязания на значимость взаимопонимание.

С каждой последовательностью взаимодействий коммуникативно действующие субъекты возобновляют видимость нормативно структурированного общества; фактически же они на ощупь пробираются от одного достигнуто на данный момент проблематичного консенсуса к другому. Поскольку все распространяющиеся на ситуацию концепты и ориентации действия всякий раз должны вырабатываться заново, окказионализм особенного доминирует над всеобщим, так что видимость континуальности многих последовательностей действий может быть гарантирована лишь за счет привязки к соответствующему контексту¹⁴.

¹⁴ «The features of a setting attended to by its participants include, among other things, its historical continuity, its structure of rules and the relationship of activities within it to those rules, and the ascribed (or achieved) statuses of its participants. When viewed as the temporally situated *achievement* of parties to a setting, these features will be termed the occasioned corpus of setting features. By use of the term *occasioned* corpus, we wish to emphasize that the features of socially organized activities are particular, contingent accomplishments of the production and recognition work of parties to the activity. We underscore the occasioned character of the corpus in contrast to a corpus of member's knowledge, skill, and belief standing prior to and independent of any actual occasion in which such knowledge, skill, and belief is displayed or recognized. The latter conception is usually referred to by the term *culture*» [«Характерные черты обстановки, воспринимаемые ее участниками, включают среди прочего ее историческую континуальность, структуру правил и взаимосвязь совершаемых в ней действий с этими правилами, а также приписываемые (или достигаемые) статусы их участников. Рассмотренные как временное достижение участников обстановки, эти черты будут называться окказиональным корпусом черт обстановки. Используя термин *окказиональный* корпус, мы хотим подчеркнуть то обстоятельство, что черты социально организованной деятельности являются партикулярными, контингентными осуществлениями производства и опознания работы участников деятельности. Мы подчеркиваем окказиональный характер данного корпуса по сравнению с корпусом знания членов, их навыков и убеждений, всегда предшествующих и не зависящих от любых актуальных обстоятельств, в которых это знание, навыки и убеждения проявляются или опознаются. Последнее обычно называют «культурой»] [76, р. 94].

Такая точка зрения объясняет, почему Гарфинкель и его ученики интересуются контекстуальной зависимостью повседневной коммуникации и в этой связи ролью индексичных выражений. Значение предложений, в которых встречаются такие сингулярные термины, как «я» и «ты», «здесь» и «теперь», «этот» и «тот», изменяется вместе с речевой ситуацией. Осуществленные с помощью этих выражений отсылки могут быть поняты лишь при условии знания речевой ситуации. Интерпретатор должен либо уже знать в качестве участника взаимодействия тот контекст, на который опирается говорящий, либо требовать от говорящего ясной формулировки своих имплицитных предпосылок. Чтобы удовлетворить данному требованию, говорящий должен заменить относящиеся к ситуации индексичные выражения ситуационно независимыми выражениями, например, пространственно-временными параметрами или другими обозначениями. В повседневной коммуникации такие усилия, направленные на то, чтобы частично прояснить знание контекста и устранить недоразумения относительно пресуппозиций, вполне привычны. Однако эти попытки ведут к регрессу: каждое новое прояснение, в свою очередь, зависит от дальнейших пресуппозиций. В рамках повседневных коммуникаций контекст речи допускает пошаговое прояснение, но не *возврат назад*. Гарфинкель правомерно подчеркивает, что выражения, в которых встречаются индексичные выражения, отнюдь не должны «приводиться в порядок», поскольку контекстуальная зависимость является не изъяном, а необходимым условием нормального употребления нашего языка. Правда, это тривиальное наблюдение странным образом драматизируется Гарфинкелем и используется для того, чтобы с предельной остротой выделить в процессе интерпретации, наряду с исследующим, также и созидательный момент *проектирования* и кооперативного *производства* окказиональной общности. Это проливает свет на герменевтическую привязку интерпретатора к его исходному положению.

В повседневных коммуникациях выражение никогда не выступает гарантом самого себя, оно пополняется семантическим содержанием, исходя из контекста, понимание которого говорящий предполагает у слушающего. И интерпретатор должен проникнуть в эту взаимосвязь ссылок в качестве участвующего партнера по взаимодействию. Исследующий, направленный на познание момент не может быть отделен от момента созидательного, конструктивного, направленного на достижение консенсуса. Поскольку предпонимание контекста, от которого зависит понимание размещенного в нем выражения, интерпретатор не может обрести, не принимая участия в процессе создания и дальнейшего развития этого контекста. Социально-научный наблюдатель также не имеет привилегированного доступа к своей предметной области, а должен пользоваться интуитивно владеемыми методами интерпретации, которые он естественным образом приобрел как член своей социальной группы.

До тех пор, пока социолог не осознает это обстоятельство, он наивно разделяет свой статус с социально-научным профаном и гипостазирует, как и последний, общественную реальность как нечто существующее в самом себе. Таким образом, традиционный социолог не отдает себе отчета в том, что он может объективировать взаимосвязь действий, которую делает своим предметом, лишь используя предварительно в качестве источника информации самого себя. Он не осознает, что как участник взаимодействия он уже участвовал в установлении взаимосвязи действий, которую он делает предметом своего анализа. Этнометодологическая критика создает все новые вариации этой темы смешения «resource and topic»^{*}. Она стремится показать, что общепринятые социально-научные конструкты имеют в принципе такой же статус, как и повседневные конструкты профанных членов.

Истолкования социолога также остаются зависимыми от общественного контекста, который они, однако, должны объяснять, поскольку находятся в плену объективизма повседневного сознания: «Если на этом элементарном уровне единственная возможность для наблюдателя идентифицировать осуществленные действия состоит в том, чтобы следовать

^{*} *Resource and topic* (англ.) — ресурс и тема. — *Прим. пер.*

по пути документальной интерпретации, тогда описания взаимодействий интерсубъективно не верифицируемы в каком-либо строгом смысле — поскольку интерпретации различных индивидов лишь в том случае могут стать согласованными, если они способны и в состоянии совместно выработать общую социальную реальность — и поскольку такие описания не являются независимыми от контекста. Если наблюдатель описывает взаимодействия интерпретативным образом, он не может не конструировать лежащий в основе образец, который служит необходимым контекстом для того, чтобы увидеть, чем “собственно” являются ситуации и действия, в то время как эти же ситуации и действия выступают, в свою очередь, необходимым ресурсом для определения того, чем “собственно” является контекст» [71, S. 66 ff]. Эта методологическая критика становится, разумеется, и для самих этнометодологов проблемой, как только они начинают развивать социально-научные теории. В лагере этнометодологов обнаруживаются прежде всего *три* реакции на эту трудность.

Радикальное самоприменение методологической критики ведет к заключению, что интерпретирующие науки должны оставить притязание на то, чтобы производить теоретическое знание. Понимание того, что интерпретация контекста действий предполагает участие и конструктивное влияние на этот контекст, лишь позволяет осознать дилемму, но не разрешает ее. Понимание неизбежно самоотносящегося характера исследовательской практики не ведет к независимому от контекста знанию. Поэтому социальное исследование должно быть признано как одна из партикулярных форм жизни наряду с другими формами жизни. Теоретическая работа, так же как и религия или искусство, является деятельностью, характеризующейся рефлексивностью; вследствие того, что она делает своей непосредственной темой процессы интерпретации, используемые исследователем в качестве источника, не отменяется ее привязка к ситуации. Универсальность притязания на истинность — это видимость; то, что в каждом отдельном случае признается истинным, является делом конвенции: «We must accept that there are no adequate grounds for establishing criteria of truth except the grounds that are employed to grant or concede it — truth is conceivable only as a socially organized upshot of contingent courses of linguistic, conceptual, and social courses of behavior. The truth of a statement is not independent of the conditions of its utterance, and so to study truth is to study the ways truth can be methodically conferred. It is an ascription... Actually, this principle applies to any phenomenon of social order»¹⁵.

С другой стороны, с целью избежать саморазрушительного следствия релятивизма предпринимается попытка смягчить данную дилемму посредством *банализации*. Представители традиционной социологии, не колеблясь, выступают за принятие требования, которое и без того вписано в их идеал объективности: методы исследования должны быть усовершенствованы настолько, чтобы впредь исключить неотрефлексированное включение повседневных теорий в измерения. Этот аргумент встречается в двух версиях. Либо признается принципиальная зависимость *всех* социально-научных интерпретаций от предпонимания участников — тогда должно быть показано, что выводы безопасны; либо контекстуальная зависимость социально-научных интерпретаций с самого начала ставится как исследовательско-прагматический вопрос, как вопрос степени, а не принципа [37, p. 429]. Эта реакция свойственна и некоторым этнометодологам, ставящим своей целью методический учет перформативной установки интерпретатора, т. е. его участие в тексте, который он хотел бы понять, и *реформирование* социального исследования таким образом, чтобы оно лучше, чем прежде, соответствовало бы своим собственным идеалам объективности. В этом духе А. Сикурел, например, стремится к разработке новых,

¹⁵ «Мы должны признать, что нет адекватных оснований для установления критериев истинности, за исключением тех оснований, которые служат для ее поддержания или допущения — истинность возможна лишь как социально организуемый результат контингентной последовательности лингвистических, концептуальных и социальных последовательностей действий. Истинность утверждения не является независимой от условий его произнесения, а значит исследование истинности есть исследование тех способов, с помощью которых становится возможным методическое наделение истинностью. Речь идет о приписывании ... Фактически, данный принцип применим к любому феномену социального порядка» [54, p. 329].

изобретательных проектов, которые бы избегали объективизма опросных и анкетных методов [26; 27, p. 41 ff; 28]. Следствием этого, разумеется, явился бы отказ этнометодологии от своей претензии поставить на место традиционных теорий действия новую парадигму. Ортодоксальные же ученики Гарфинкеля настаивают на *смене парадигмы*.

Гарфинкель хотел бы выполнить феноменологическую программу постижения всеобщих структур жизненных миров в целом посредством обнаружения в интерпретационной деятельности повседневных рутинных действий методов, в соответствии с которыми отдельные индивиды всякий раз возобновляют объективную видимость общественного порядка. Он делает предметом анализа «common sense knowledge of social structure»*, чтобы показать как «routine grounds of everyday activities»** становятся результатом согласованной деятельности в повседневных действиях. *Теория создания и воспроизводства ситуаций действия вообще* соотносится с *инвариантностью процедур истолкования*, используемых членами в коммуникативных действиях. При этом интерес направлен прежде всего на универсальные признаки системы референций для отношений говорящий-слушающий, т. е. на нарративную организацию временных последовательностей, на межличностную организацию пространственных дистанций, на объективность общего мира, на базовые ожидания нормальности, на понимание контекстуальной зависимости и необходимости интерпретации коммуникативных выражений и т. д. [63, S. 433 ff].

В той мере, в какой этнометодология выступает уже не в качестве методологической критики, а в качестве полноправной теории, становятся различимы черты программы формальной прагматики. Правда, здесь опять встает вопрос: если социально-научные интерпретации столь же зависимы от контекста, как и повседневные интерпретации, как в таком случае вообще возможно исследование подобного рода универсалий: «If interpretative practices are to be opened up as a topic for investigation, then “interpretive” methods can scarcely provide the appropriate means for so doing... On the contrary, ...any explanation of invariant features of interactions will need to be through a language other than that of the everyday actor, and in terms which will be decidedly revelatory to him»¹⁶.

Цимерман парирует это возражение в стиле Альфреда Шюца: «The Ethnomethodologist treats the fact that he lives and acts within the same social world that he investigates in quite a different way than do the varieties of traditional sociologists»¹⁷. Критический социолог должен, таким образом, отказаться от естественной установки, которая и профану, и традиционному социологу в равной мере мешает подходить к нормативной реальности общества как к *явлению*, т. е. продукту сознания. При этом он ориентируется прежде всего на наивные допущения своих менее просвещенных коллег, поскольку они воспроизводят повседневные наивные допущения профана еще и методически, т. е. в наиболее осязаемой форме.

Правда, как эта рефлексия всеобщих предпосылок коммуникации может быть обеспечена методически, остается не ясно. Цимерман должен был бы либо предоставить привилегированный доступ к предметной области, например, выявить эквивалент гуссерлевской трансцендентальной редукции [43]; либо показать, что социально-научный анализ, хотя и связан непосредственным образом с повседневными интерпретациями, однако способен рефлексивным образом проникнуть в последние и выйти за границы соответствующего контекста настолько, что станет возможной реконструкция *всеобщих* предпосылок коммуникации. Если я правильно понимаю, большинство этнометодологов

* Обыденное знание социальных структур. — *Прим. пер.*

** Рутинные основания повседневных действий. — *Прим. пер.*

¹⁶ «Если интерпретативные практики должны быть сделаны доступными в качестве темы исследования, тогда “интерпретативные” методы вряд ли могут предоставить подходящие средства для совершения этого... Напротив, ...любое объяснение инвариантных свойств взаимодействий будет нуждаться в совершенно другом языке, чем тот, которым пользуется повседневный актер, однако в терминах, которые будут принципиально релевантны ему» [37, p. 430].

¹⁷ «Этнометодолог рассматривает тот факт, что он живет и действует внутри того же социального мира, который исследует, совершенно иначе, чем это делают многие традиционные социологи» [76, p. 289].

пребывает в нерешительности перед лицом этой альтернативы: первый путь они не *могут* выбрать, не вступив в противоречие со своими критико-методологическими воззрениями; второй путь они не хотят выбирать, поскольку тогда они вынуждены будут прийти к рациональной внутренней структуре ориентированного на притязания на значимость действия.

Гарфинкель рассматривает притязания на значимость, на интересубъективном признании которых основывается любое коммуникативно достигнутое согласие, даже если формирование консенсуса так окказионально, неустойчиво и фрагментарно, *как всего лишь феномены*. Он не проводит различия между признанным значимым консенсусом, для которого участники могли бы предоставить в случае необходимости основания, и вне какой-либо связи со значимостью, т. е. *de facto* достигнутым — будь то на основе угрозы применения санкций, будь то вследствие риторического выпада, расчета, отчаяния или смирения — одобрением. Гарфинкель рассматривает и стандарты рациональности, как и все прочие конвенции, как результаты *случайной* практики интерпретации, которые, хотя и могут быть описаны, однако не поддаются систематической, а именно основывающейся на интуитивно применяемых самими участниками критериях оценке. Притязания на значимость, отсылающие за пределы локальных, временных и культурных границ, этнометодологически просвещенный социолог рассматривает как нечто, что участники лишь *принимают* за универсальное: «Таким образом, основная политика состоит в отказе от серьезного рассмотрения распространенной заявки на то, что действительность, продуктивность, эффективность, осмысленность, последовательность, планомерность, типичность, единообразность, воспроизводимость действий — т. е. *рациональные свойства* практических действий — оцениваются, опознаются, категоризируются, описываются путем применения правила или стандарта, приобретенного за пределами той актуальной обстановки, в пределах которой эти свойства опознаются, используются, создаются и обсуждаются находящимися в этой обстановке членами. Все процедуры, посредством которых общие характеристики *логических* и *методологических* свойств действий и результатов исследований оцениваются на основе правила, интересны как *феномены* для этнометодологического исследования и никак иначе ... Любое “логическое” и “методологическое” свойство действия, каждую характеристику смысла, фактичности, объективности, объяснимости, общности следует рассматривать как *контингентное осуществление социально организованных обыденных действий*. Рекомендуется политика, заключающаяся в том, что любая социальная обстановка рассматривается как самоорганизующаяся в отношении осмысленного характера ее собственных проявлений как репрезентаций либо как свидетельств-социального-порядка. Любая обстановка организует свою деятельность так, чтобы сделать свои свойства в качестве организованной среды практических действий обнаружимыми, обсчитываемыми, записываемыми, сообщаемыми, о-них-историю-рассказываемыми, анализируемыми, короче, — *объяснимыми*» [3, с.24].

Если Гарфинкель высказывает данную рекомендацию всерьез, тогда он должен зарезервировать для этнометодолога привилегированную позицию «незаинтересованного» наблюдателя, наблюдающего за тем, как непосредственные участники формулируют свои выражения таким образом, что другие в состоянии их понять, и как они, в свою очередь, интерпретируют выражения других в качестве понятных. Этнометодолог, считающий себя способным на это, апеллирует в отношении своих собственных высказываний к критериям значимости, которые *a fortiori* находятся *вне* области применяемых самими участниками критериев значимости. Если он не считает себя способным на такую внемирную позицию, тогда он не может претендовать на теоретический статус своих высказываний. В отношении взаимных языковых игр теоретиков он может разве что принимать в расчет дополнительного рода критерии значимости: стандарты научной рациональности были бы такими же партикулярными, как и любые другие критерии значимости, по-своему функционирующие в других жизненных сферах [55]. Гарфинкель мог бы избежать дилеммы между гуссерлевским абсолютизмом и признанным Блумом и Макхью релятивизмом лишь в том случае, если бы

серьезно отнестся к имплицитно встроенному в идеи истинности и правильности притязанию на универсальность как указанию на *заложенный в речи базис значимости*. Поскольку и в той мере, в какой социально-научный интерпретатор в роли, как минимум виртуального, участника должен в принципе ориентироваться на *те же* притязания на значимость, на которые ориентируются и непосредственные участники, он может, исходя из этой всякий раз разделяемой имманентной разумности речи, серьезно отнестись и одновременно подвергнуть критической проверке рациональность, на которую претендуют участники в отношении своих выражений. Тот, кто делает темой то, что выступает для участников лишь предпосылкой, и занимает рефлексивную установку по отношению к интерпретируемому, не располагает себя *вне* исследуемого коммуникативного контекста, а углубляет его и радикализует путем, в принципе доступным *всем* участникам. Этот *путь от коммуникативного действия к дискурсу* в естественных контекстах всесторонне блокирован, однако всегда уже содержится в структуре ориентированного на взаимопонимание действия.

(в) Этнометодология интересуется интерпретационной компетентностью взрослых говорящих субъектов, поскольку стремится исследовать то, как в ходе кооперативных процессов истолкования осуществляется координация действий. Она имеет дело с интерпретацией как с *длящейся деятельностью* участников взаимодействия, т. е. с микропроцессами истолкования ситуации и обеспечения консенсуса, которые даже в том случае являются сложноорганизованными, когда участники без труда могут опереться на привычное понимание ситуации в стабильных контекстах действия. Под микроскопом *любое* взаимопонимание оказывается окказиональным и хрупким. Философская герменевтика, напротив, исследует интерпретационную компетентность взрослых говорящих с точки зрения того, как способный говорить и действовать субъект делает понятными в незнакомом ему окружении непонятные выражения. Герменевтика имеет дело с интерпретацией как *исключительной деятельностью*, требуемой лишь тогда, когда релевантные фрагменты жизненного мира становятся проблематичными, когда достоверность культурно сформированного фона нарушается, а нормальные средства взаимопонимания перестают действовать. Под увеличительным стеклом взаимопонимание оказывается под угрозой лишь в предельных случаях вхождения в чужой язык, неизвестную культуру или отдаленную эпоху и тем более в патологически деформированные жизненные сферы. В рамках нашего контекста эта герменевтическая постановка вопроса имеет одно преимущество. В диагностическом случае нарушенной коммуникации именно та проблема, которую опускает понимающая социология в обеих до сих пор обсуждавшихся версиях, не может более отодвигаться на задний план: могут ли, в конечном счете, вопросы прояснения значения быть отделены от вопросов рефлексии значимости или нет?

Коммуникация является нарушенной, если не выполнены (некоторые) языковые условия для непосредственного взаимопонимания между (как минимум) двумя участниками взаимодействия. Я буду исходить из того наглядного случая, когда участники применяют грамматические предложения совместно владеемого (или легко поддающегося переводу) языка. Герменевтический пример — это истолкование переданного традицией текста. Сначала интерпретатор, как кажется, понимает предложения автора и лишь в последующем с тревогой обнаруживает, что текст все же не настолько хорошо понят им, чтобы в случае необходимости он был в состоянии *ответить* на вопросы автора¹⁸. Интерпретатор рассматривает это как признак того, что он ошибочно поместил текст в *другой* контекст и исходил из других вопросов, нежели сам автор.

Итак, задача интерпретации может быть определена следующим образом: интерпретатор учится проводить различие между своим собственным пониманием контекста, которое, как он полагает сначала, он разделяет с контекстом автора, но на самом деле лишь подменил его, и пониманием контекста автором. Задача состоит в том, чтобы

¹⁸ О методологическом значении вопроса и ответа согласно Колингвуду см.: [46, S. 94 ff].

прояснить определения ситуации, предполагаемые переданным традицией текстом, исходя из жизненного мира автора и его адресатов.

Жизненный мир образует, как мы видели, горизонт процессов взаимопонимания, с помощью которых участники приходят к соглашению или полемизируют относительно чего-то в объективном, в их общем социальном или в каждом случае субъективном мире. Интерпретатор может исходить из молчаливого допущения, что он разделяет эти формальные отношения к миру с действующим субъектом и его современниками. Он пытается понять, *почему* автор, считая, что определенное положение дел существует, определенные ценности и нормы имеют значимость, определенные переживания могут быть приписаны определенным субъектам, высказал в своем тексте определенные утверждения, принял во внимание или нарушил определенные конвенции, выразил определенные намерения, диспозиции, чувства и т. д. Лишь в той мере, в какой интерпретатор осознает *основания*, позволяющие предстать выражениям автора в качестве *разумных*, он понимает, что автор мог *подразумевать*. На фоне этого могут быть идентифицированы при необходимости отдельные идиосинкразии, т. е. те места, которые не становятся понятными, даже исходя из предпосылок жизненного мира, разделяемого автором с его современниками.

Таким образом, интерпретатор понимает значение текста в той мере, в какой он осознает, почему автор считает себя вправе высказать определенные утверждения (в качестве истинных), признать определенные ценности и нормы (в качестве правильных), выразить определенные переживания (в качестве правдивых). Интерпретатор должен прояснить для себя контекст, из которого автор и современная ему публика должны были исходить как из совместно разделяемого знания, чтобы для них не возникало тех трудностей, которые создает нам текст сегодня, и чтобы смогли проявиться *другие*, релевантные современникам автора трудности, которые, в свою очередь, представляются тривиальными нам. Лишь на фоне когнитивных, моральных и экспрессивных составляющих культурного запаса знания, на основе которого автор и его современники выстроили свои интерпретации, может раскрыться смысл текста. Но опять же родившийся позже интерпретатор не сможет идентифицировать эти предпосылки, если не выскажет к связанным с текстом притязаниям на значимость по меньшей мере имплицитного отношения.

Это становится ясно, исходя из имманентной разумности, которую интерпретатор должен допускать у всех выражений, какими бы непрозрачными они ни были поначалу, в той мере в какой он вообще приписывает ее субъекту, во *вменяемости* которого он не видит причины сомневаться. Интерпретатор не сможет понять семантическое содержание текста до тех пор, пока не будет в состоянии представить себе основания, которые автор мог бы привести при соответствующих обстоятельствах. И поскольку убедительность оснований (будь то для утверждения фактов, для рекомендации норм и ценностей или для выражения переживаний) не идентична принятию-в-качестве-убедительных оснований, интерпретатор вообще *не может представить* себе основания, *не оценивая их*, не высказывая к ним утвердительно или отрицательно отношения. Может случиться и так, что интерпретатор «подвесит» определенные притязания на значимость, что, в отличие от автора, он не решится рассматривать определенные вопросы как решенные, а подойдет к ним как к проблемам. Но если он не предпримет даже *частичной систематической* оценки, т. е. не только приостановит в любом случае имплицитное высказывание своего отношения к основаниям, которые автор мог бы сделать действенными для своего текста, но и рассмотрит это как нечто несовместимое с описательным характером его смелого предприятия, он не сможет подойти к основаниям так, как они подразумеваются. В этом случае интерпретатор не *воспримет всерьез* своего партнера как вменяемого субъекта.

Интерпретатор лишь в том случае сможет выяснить значение непрозрачного выражения, если он объяснит, как возникла эта непрозрачность, т. е. почему основания, которые автор мог бы привести в своем контексте, для нас более не приемлемы. Если интерпретатор вообще не поставит вопрос о значимости, его с полным правом можно спросить, интерпретирует ли он вообще, т. е. предпринимает ли усилия вновь привести в

действие нарушенную коммуникацию между автором, его современниками и нами. Другими словами, интерпретатор обязан удерживать и перформативную установку, которую он занимает как коммуникативно действующий, и именно тогда, когда он ставит вопрос о пресуппозициях, на которых строится непонятный текст¹⁹.

Гадамер говорит в этой связи о «предвосхищении завершенности». Интерпретатор должен допустить, что переданный традицией текст, несмотря на свою первоначальную недоступность для интерпретатора, представляет собой разумное, т. е. поддающееся обоснованию при определенных пресуппозициях выражение. При этом «[п]редполагается не только имманентное смысловое единство, направляющее того, кто читает, — читатель постоянно руководствуется в своем понимании еще и трансцендентными смыслоожиданиями, вытекающими из его отношения к истине того, что говорится в тексте. Подобно тому как адресат какого-либо письма понимает содержащиеся в нем известия и для начала смотрит на вещи глазами отправителя, то есть считает истинным сообщаемое этим последним, — а вовсе не стремится, к примеру, понять странные мнения автора письма в качестве таковых — точно так же мы понимаем дошедший до нас текст на основании смыслоожиданий, почерпнутых из нашего собственного предварительного отношения к существу дела ... Лишь неудавшаяся попытка считать сказанное истинным приводит к стремлению “понять” текст — психологически или исторически — как чужое мнение. Таким образом, предрассудок завершенности содержит в себе не только формальный момент, гласящий, что текст должен в совершенстве высказать свое мнение, но также и то, что сказанное текстом есть совершенная истина. Этим еще раз подтверждается наш тезис, что понять означает прежде всего понять само дело и лишь во вторую очередь — выделить и понять чужое мнение в качестве такового. Наипервейшим из всех герменевтических условий остается, таким образом, предпонимание, вырастающее из нашей обращенности к тому же делу» [2, с. 348-349].

Гадамер употребляет здесь слово «истина» в традиционном философском смысле разумности, включающей пропозициональную истинность, нормативную правильность, аутентичность и правдивость. Мы признаем разумность за всеми субъектами, которые ориентируются на взаимопонимание и, следовательно, на универсальные притязания на значимость, кладя при этом в основание своей интерпретационной деятельности интересубъективно действенную систему отношений с мирами, или, как мы скажем: децентрированное миропонимание. Это лежащее в основе согласие, которое предварительно объединяет нас и на основании которого может быть подвергнуто критике любое фактически достигнутое согласие, обосновывает герменевтическую утопию всеобщего и безграничного разговора в жизненном мире, в котором мы совместно живем²⁰. Каждая удачная интерпретация сопровождается ожиданием того, что автор и его адресаты, если бы они только преодолели «временную дистанцию» благодаря процессу обучения, дополнительному к нашему процессу интерпретации, могли бы разделить наше понимание их текста. В таком контрафактически преодолеваемом время процессе взаимопонимания автор должен

¹⁹ В. Кульман, энергично разрабатывавший вопрос о перформативном характере практики истолкования, показал, что понимание смысла возможно путем достижения, как минимум виртуального, взаимопонимания относительно самого предмета: понимание текста требует взаимопонимания с автором, который до тех пор, пока он признается вменяемым субъектом, никоим образом не может быть полностью объективирован. Поскольку вменяемость как способность ориентироваться на притязания на значимость, которые направлены на интересубъективное признание, означает, что действующий субъект должен в той же мере иметь возможность *сохранять за собой правоту* в отношении интерпретатора, как и в принципе быть способным, со своей стороны, *извлекать урок* из осуществленной интерпретатором критики его пресуппозиций: «Только если другой в состоянии — и именно в глазах того, кто хочет узнать о нем нечто — (1) в принципе сказать нечто действительно *новое и неожиданное*, только если он (2) в принципе способен выразить нечто, *превосходящее* взгляды желающего познать его, если последний может от первого в принципе чему-то научиться, и (3)... только если другой в принципе удерживает возможность сказать нечто *истинное*, только в этом случае он одновременно и познается и признается как субъект» [46, S. 84].

²⁰ О постулате «безграничного взаимопонимания» см.: [18, здесь S. 213 ff].

отделиться от горизонта его собственного настоящего аналогично тому, как мы в качестве интерпретаторов расширяем, включаясь в его текст, наш собственный горизонт. Гадамер использует для этого образ сливающихся друг с другом горизонтов.

Правда, Гадамер придает истолковывающей модели понимания странно *одностороннее направление*. Если мы в перформативной установке виртуальных участников разговора исходим из того, что выражение автора несет в себе презумпцию разумности, мы допускаем не только возможность того, что интерпретируемый *для нас* является примером, что мы можем у него чему-то научиться; скорее мы *также* учитываем возможность того, что автор мог бы научиться чему-то и *у нас*. Гадамер остается в плену опыта филолога, имеющего дело с классическими текстами — а «классическое есть то, что способно устоять перед исторической критикой» [2, с. 341]. Воплощенное в тексте знание, как он полагает, в принципе превосходит знание интерпретатора. С этим контрастирует опыт антрополога, показывающий, что интерпретатор отнюдь не всегда занимает в отношении традиции подчиненную позицию. Чтобы достаточным образом понять веру в ведьм народа занде, современный интерпретатор должен реконструировать даже процессы обучения, которые отделяют нас от них и могут объяснить, в чем в существенных отношениях отличается мифическое мышление от современного. Здесь задача интерпретации расширяется до собственно теоретической задачи следовать децентрализованному мировоззрению и понять то, как на этом пути пересеклись процессы обучения и разучивания. Лишь систематическая история рациональности, от которой мы значительно удалены, могла бы уберечь нас от того, чтобы либо впасть в чистый релятивизм, либо наивно установить абсолютность наших собственных стандартов рациональности.

Методологическую прибыль философской герменевтики можно резюмировать следующим образом:

— интерпретатор может прояснить значение символического выражения лишь в качестве виртуального участника процесса взаимопонимания между непосредственными участниками;

— хотя перформативная установка и привязывает его к предпониманию исходной герменевтической ситуации;

— однако эта привязка не должна снижать действенность его интерпретации,

— поскольку он может воспользоваться внутренней рациональной структурой ориентированного на взаимопонимание действия и рефлексивно апеллировать к компетентности вменяемого участника коммуникации осуществлять оценку,

— чтобы систематически соотнести жизненный мир автора и его современников с собственным жизненным миром

— и реконструировать значения интерпретируемого в качестве как минимум имплицитно оцененного предметного содержания выражения, которое может быть подвергнуто критике.

Гадамер ставит под угрозу свое основное герменевтическое воззрение, скрывая за предпочитаемой им моделью гуманитарной работы с канонизированными текстами в сущности проблематичный случай *догматического истолкования сакральных сочинений*. Лишь на этом фоне он может анализировать интерпретацию исключительно в плане *приложения*, т. е. с точки зрения того, «что любое понимание текста представляет собой усвоение актуализируемого интерпретатором смысла текста относительно возможных ситуаций в его мире» [24, S. 15 ff]²¹. Философская герменевтика с полным основанием

²¹ Бёлер описывает специальный случай догматической герменевтики: «Истолкование институциональных текстов, значимость которых предполагается в данном сообществе, ставит задачу преодолеть различия между текстом и наличной ситуацией таким образом, чтобы получить реальный ориентированный на действие эффект, а именно применить их к настоящей ситуации интерпретатора. Постановка этой задачи ситуативной актуализации, усвоения и применения обязательного практического смысла рефлексивируется и методологически решается *догматической герменевтикой*, которая была разработана иудейской и христианской теологией, а

утверждает наличие внутренней взаимосвязи между вопросами о значении и значимости. Понять символическое выражение – значит знать, при каких условиях может быть признано его притязание на значимость. Однако понять символическое выражение *не* означает согласиться с его притязанием на значимость невзирая на контекст. Традиционалистски применяемая герменевтика Гадамера как минимум способствовала этому отождествлению понимания и согласия: «Наличие согласия — отнюдь не необходимое условие диалогической установки по отношению к тому, что хотят понять. Диалогически можно относиться и к выраженному смыслу, который понимают в его притязании, не признавая в итоге... Понять самого себя как адресата притязания — не значит с необходимостью признать притязание; скорее это значит отнестись к нему серьезно. Всерьез же относится к притязанию тот, кто проверяет его правомерность, — т. е. тот, кто осуществляет аргументацию, а не немедленное приложение. Тот, кто осуществляет аргументативную проверку, направленный на обосновывающую оценку дискурс, и на уровне значимости действует диалогически... *Простое* приложение не дает диалогического соответствия, поскольку только в дискурсе притязание может быть признано *как* притязание на значимость. Ибо притязание на значимость содержит в себе утверждение того, что нечто *достойно признания*» [24, S. 40 f]²².

Рассмотрение основных понятий теории действия и методологии понимания смысла показало, что проблематика рациональности не привносится в социологию извне, а возникает изнутри. Как метатеоретически, так и равным образом методологически она центрирована на основополагающем понятии взаимопонимания. Это понятие интересовало нас в двух аспектах: координации действий и основанного на понимании смысла доступа к предметной области. Процессы взаимопонимания направлены на консенсус, основывающийся на интересубъективном признании притязаний на значимость. Последние, в свою очередь, могут взаимно выдвигаться участниками коммуникации и в принципе подвергаться критике. В ориентации на притязания на значимость актуализируются отношения действующих субъектов к миру. Устанавливая всякий раз посредством своих выражений отношение к чему-то в мире, субъекты исходят из формальных общностей, вообще конститутивных для взаимопонимания. Если к проблематике рациональности нельзя подойти, не обращаясь к основным понятиям социального действия и методу понимания смысла, как в таком случае обстоит дело с имеющим существенное значение вопросом о том, могут ли — и тогда как — процессы модернизации быть подчинены рационализации?

Социология, выступающая в качестве теории общества, занимается данной темой с начала своего возникновения. В ней отражаются предпочтения, которые, как было сказано, имеют дело с условиями возникновения этой дисциплины; они могут быть объяснены исторически. Но кроме этого существует и *внутреннее* отношение между социологией и теорией рационализации. Далее я буду вводить теорию коммуникативного действия с помощью *данной* тематики.

Если в относящихся к теории действия основаниях социологии с неизбежностью заложено *какое-то* понятие рациональности, построение теории рискует с самого начала оказаться ограниченным определенной культурной или исторической перспективой; в таком случае основные понятия следовало бы установить таким образом, чтобы имплицитно *соустановленное* понятие рациональности было *всеохватывающим* и *всеобщим*, т. е. удовлетворяющим универалистским притязаниям. Требование такого понятия рациональности вытекает и из методологических соображений. Если понимание смысла должно пониматься как коммуникативный опыт и если последний возможен лишь в перформативной установке коммуникативно действующего субъекта, то эмпирический базис

также юриспруденцией и в качестве социально-философского предшественника которой может рассматриваться аристотелевское учение о фронезисе» [24, S. 37].

²² В своей критике Гадамера Бёлер следует К. О. Апелю: [15, S. 22 ff.; 38, S. 282 ff.; 41, S. 174 ff.; 66, S. 321 ff]; см. также [24, S. 483 ff].

смыслопонимающей социологии лишь в том случае может быть совмещен с ее притязанием на объективность, если герменевтические методы смогут опереться, по крайней мере интуитивно, на всеохватывающие и всеобщие структуры рациональности. С обеих точек зрения, как метатеоретической, так и методологической, мы не можем надеяться на объективность общественно-теоретического познания, если корреспондирующие друг с другом понятия коммуникативного действия и интерпретации будут выражать лишь партикулярную, тесно связанную с определенной культурной традицией перспективу рациональности²³.

Внутренняя рациональная структура процессов взаимопонимания — которые мы предварительно охарактеризовали с помощью (а) отношений к миру действующих субъектов и соответствующих понятий объективного, социального и субъективного миров, (б) притязаний на значимость, таких как пропозициональная истинность, нормативная правильность и правдивость или аутентичность, (в) понятия рационально мотивированного согласия, т. е. опирающегося на интересубъективное признание притязаний на значимость, которые могут быть подвергнуты критике, и (г) концепта взаимопонимания как кооперативной выработки общих определений ситуации, — должна быть доказана, если необходимо удовлетворить требованию объективности, в определенном смысле как *общезначимая*. Это достаточно сильное требование для того, кто действует без метафизической подстраховки и более не полагается на выполнимость строгой, претендующей на окончательное обоснование трансцендентально-прагматической программы.

Очевидно, что тип ориентированного на взаимопонимание действия, внутреннюю рациональную структуру которого мы предварительно очертили, никогда не выступает всегда и везде нормальным случаем коммуникативной повседневной практики [53, S. 134 ff]. Я сам указал на противоречия между мифическим и современным миропониманием, на контрасты ориентаций действия, которые типичным образом проявляются в архаическом и современном обществах. Если в отношении *нашего* понятия рациональности мы выдвигаем, со сколь угодно многими оговорками, претензию на общезначимость, не придерживаясь при этом совершенно несостоятельной веры в прогресс, мы взваливаем на свои плечи значительный груз доказательств. Его вес становится вполне ощутимым, когда мы переходим от резких и свехупрощающих контрастов, внушающих превосходство современного мышления, к менее резким противоположностям, которые раскрывает межкультурное сравнение способов мышления различных мировых религий и цивилизаций.

²³ Этот тезис с особой ясностью представляет Макинтайр: «...if I am correct in supposing rationality to be an inescapable sociological category, then once again the positivist account of sociology in terms of a logical dichotomy between facts and values must break down. For to characterize actions and institutionalized practices as rational or irrational is to evaluate them. Nor is it the case that this evaluation is an element superadded to an original merely descriptive element. To call an argument fallacious is always at once to describe and to evaluate it. It is highly paradoxical that the impossibility of deducing evaluative conclusions from factual premises should have been advanced as a truth of logic, when logic is itself the science in which the coincidence of description and evaluation is most obvious. The social scientist is, if I am right, committed to the values of rationality in virtue of his explanatory projects in a stronger sense than the natural scientist is. For it is not only the case that his own procedures must be rational; but he cannot escape the use of the concept of rationality in his inquiries» [«...если я прав, полагая, что рациональность является неотъемлемой социологической категорией, тогда, опять же, позитивистское рассмотрение социологии в терминах логической дихотомии фактов и оценок должно быть несостоятельным. Для того, чтобы охарактеризовать действия и институционализированные практики как рациональные или иррациональные, их необходимо оценить. Но это не значит, что это оценивание является элементом, добавляемым к исходному чисто описательному элементу. Называть некий аргумент ошибочным, значит всегда одновременно его описывать и оценивать. В высшей степени парадоксально то, что невозможность выведения оценочных заключений из фактических предпосылок была выдвинута в качестве логической истины, в то время как сама логика является наукой, в которой точное совпадение описания и оценивания наиболее явно. Если я прав, социальный ученый вследствие своих объяснительных проекций придерживается ценностей рациональности даже строже, чем ученый-естественник. И дело не только в том, что его собственные процедуры должны быть рациональными, но и в том, что он не может избежать использования понятия рациональности в своих исследованиях»] [52, p. 258].

Даже если это разнообразие систематизированных и высокодифференцированных картин мира и можно было бы иерархизировать относительно современного миропонимания, то не далее, как уже в самом модерне мы сталкиваемся с плюрализмом сил веры, не позволяющим незамедлительно выделить некое универсальное ядро.

Если сегодня мы еще отваживаемся на попытку доказать всеобщность понятия коммуникативной рациональности, не прибегая к гарантиям великой философской традиции, то в принципе имеются три пути. *Первый* путь — формально-прагматическая разработка пропедевтически введенного понятия коммуникативного действия. Под этим я имею в виду попытку рационального реконструирования всеобщих правил и необходимых предпосылок ориентированных на взаимопонимание речевых действий с опорой на формальную семантику, теорию речевых действий и другие подходы языковой прагматики. Такая программа направлена на гипотетические реконструкции того дотеоретического знания, которое вводят в действие компетентные говорящие субъекты, когда употребляют предложения в ориентированных на взаимопонимание действиях. Эта программа не выступает эквивалентом трансцендентальной дедукции описанных коммуникативных универсалий. Однако гипотетические реконструкции должны поддаваться проверке с помощью интуиции говорящих субъектов, охватывающей максимально широкий социокультурный спектр. На этом пути рационального реконструирования естественных интуиций универсалистское притязание формальной прагматики не может быть с *неизбежностью* выполнено в трансцендентально-философском смысле, оно может быть лишь разъяснено²⁴.

Во-вторых, мы можем попытаться оценить эмпирическую пригодность формально-прагматических воззрений. Здесь в нашем распоряжении имеются прежде всего три исследовательские области: объяснение случаев патологической коммуникации, эволюция оснований социокультурных форм жизни и онтогенез способностей к действиям. (а) Если формальная прагматика реконструирует всеобщие и необходимые условия коммуникативного действия, то это должно дать не-натуралистические критерии нормальных, т. е. ненарушенных форм коммуникации. Нарушения коммуникации могут быть объяснены затем нарушением формально-прагматически выделенных условий нормальности. Подобного рода гипотезы могли бы быть проверены с помощью случаев систематически искажаемой коммуникации на материале, который до сих пор собирался прежде всего в патогенных семьях и оценивался в рамках теории социализации с клинической точки зрения. (б) Антропогенез также должен позволить разъяснить, может ли быть воспринято всерьез универсалистское притязание формальной прагматики. Формально-прагматически описанные структуры ориентированного на успех и взаимопонимание действия должны считываться с эмерджентных признаков, возникающих в ходе антропогенеза и характеризующих форму жизни социокультурно обобществленных индивидов. (в) Наконец, универсалистское притязание формальной прагматики может быть проверено на материале, который предоставляет психология развития относительно приобретения коммуникативных и интерактивных способностей. Реконструкция ориентированного на взаимопонимание действия должна быть пригодной для описания компетентностей, онтогенез которых уже исследуется с универсалистской точки зрения в традиции Пиаже.

Очевидно, требуется немалое усилие, чтобы осуществить эти три исследовательские перспективы, пусть и всего лишь посредством вторичной оценки эмпирических исследований в этих областях. Несколько менее претенциозен, *в-третьих*, анализ социологических подходов к теории общественной рационализации. Здесь мы можем присоединиться к хорошо разработанной традиции теории общества. *Этот* путь выбираю я, разумеется, не с целью осуществить исторические изыскания. Скорее, я принимаю понятийные стратегии, допущения и аргументации от Вебера до Парсонса с целью

²⁴ Об эффективности слабых трансцендентальных аргументов в смысле Стросона см.: [61, S. 182 ff].

систематического разворачивания проблем, которые могут быть решены с помощью теории рационализации, развитой на основе основных понятий коммуникативного действия. Не история идей, а история теорий в ее систематическом рассмотрении может привести к этой цели. Гибкая развертка и целенаправленное использование значимых, созданных с целью объяснения теоретических конструкторов сделает возможным, как я надеюсь, продуктивный проблемно ориентированный способ действий. Исходя из теоретической точки зрения, развитой мной во введении, я хотел бы убедиться в продуктивности такого систематического анализа в экскурсах и промежуточных рассмотрениях.

Этот путь систематического анализа истории теорий рекомендуется отнюдь не по причинам *ложного* удобства, вкрадывающегося всякий раз, когда мы еще не в состоянии осуществить фронтальную проработку проблемы. Я полагаю, что в основе данной альтернативы — отклонение в историю теорий vs. систематическая проработка — лежит ложная оценка статуса теории общества, причем в двойном отношении. Во-первых, соперничество парадигм имеет в социальных науках другое значение, чем в современной физике. Оригинальность великих теоретиков общества, таких как Маркс, Вебер, Дюркгейм и Мид, заключается, как и в случае Фрейда и Пиаже, в том, что они ввели парадигмы, некоторым образом еще и сегодня *равноправно* конкурирующие друг с другом. Эти теоретики остались современниками, во всяком случае, не в том же смысле став «историческими», в каком Ньютон, Максвелл, Эйнштейн или Планк, достигшие прогресса в теоретическом использовании одной единственной фундаментальной парадигмы [59]. Во-вторых, социально-научные парадигмы *внутренне* связаны с общественным контекстом, в котором они возникают и становятся действенными. В них происходит саморефлексия миро- и самопонимания коллективов: они опосредованным образом служат интерпретации общественных диспозиций интересов, горизонтов устремлений и ожиданий [72; 23]. Поэтому для любой теории общества *присоединение к истории теорий* является также и своего рода тестом: чем свободнее она может включить в себя интенции прежних теоретических традиций, объяснить, подвергнуть критике и продолжить их, тем более она оказывается застрахованной от опасности того, что в ее собственной теоретической перспективе незаметно станут действенными партикулярные интересы.

Впрочем, теоретико-исторические реконструкции имеют то преимущество, что мы непрерывно движемся между основными понятиями теории действия, теоретическими допущениями и привлеченными в иллюстративных целях эмпирическими очевидностями и одновременно можем удерживать в качестве исходной точки основную проблему, а именно вопрос: может ли — и в таком случае как — капиталистическая модернизация быть понята в качестве процесса односторонней рационализации. При этом я выберу следующий путь. Теория рационализации Макса Вебера охватывает, с одной стороны, структурное изменение религиозных картин мира и когнитивный потенциал дифференцировавшихся ценностных сфер науки, морали и искусства, с другой стороны, селективную модель капиталистической модернизации (Гл. II). В апоретическом процессе марксистской рецепции веберовского тезиса о рационализации от Лукача до Хоркхаймера и Адорно обнаруживаются границы подхода теории сознания и основания для смены парадигмы с целесообразности на коммуникативное действие (Гл. IV). В этом свете заложенные Г. Х. Мидом коммуникативно-теоретические основы социальных наук и социология религии Э. Дюркгейма смыкаются таким образом, что концепт опосредуемого языком нормативно регулируемого взаимодействия может быть объяснен с точки зрения генезиса понятий. Идея вербализации сакрального может быть рассмотрена как точка, в которой сходятся допущения Мида и Дюркгейма относительно рационализации жизненного мира (Гл. V).

С помощью развития теории Т. Парсонса можно проанализировать проблему связывания основных понятий теории систем и теории действия. При этом необходимо учесть результаты промежуточных рассмотрений, посвященных [основным] вопросам систематического анализа (Гл. VII). Первое промежуточное рассмотрение направлено на представление формально-прагматического подхода теории коммуникативного действия,

беря за исходную точку теорию действия Макса Вебера (Гл. III). Во втором промежуточном рассмотрении сначала развивается концепт жизненного мира, затем прослеживается эволюционная тенденция к расщеплению системы и жизненного мира настолько, чтобы сделать возможной переформулировку тезиса о рационализации Макса Вебера и его применение к сегодняшним отношениям (Гл. VI). Заключительное рассмотрение сводит вместе теоретико-исторические и систематические исследования; оно должно, с одной стороны, сделать доступной проверке предложенную интерпретацию модерна на примере тенденций оформления юридических прав и, с другой стороны, уточнить задачи, которые встают сегодня перед критической теорией общества (Гл. VIII).

Перевод с немецкого Татьяны Тягуновой

Литература

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии / Пер. с нем. М. И. Левина // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
3. Гарфинкель Г. Что такое этнометодология / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 4. С. 3–25.
4. Гоулднер А. В. Наступающий кризис западной социологии / Пер. с англ. А. С. Фомина, В. В. Кузнецова, М. Г. Ермаковой. СПб.: Наука, 2003.
5. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
7. Шюц А. Смысловое строение социального мира / Пер. с нем. С. А. Ромашко // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 687–1022.
8. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 7–50.
9. Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 51–68.
10. Abel Th. The Operation called Verstehen // American Journal of Sociology. 1948. №53.
11. Adorno Th. W. et al. Der Posotivismusstreit in der deutschen Soziologie. Neuwied, 1969.
12. Albert H. Hermeneutik und Realwissenschaft // Albert H. Plädoyer für kritischen Rationalismus. München, 1971.
13. Alston P. Philosophy of Language. Englewood Cliffs, 1964.
14. Analytische Handlungstheorie. Handlungserklärungen / A. Beckermann (Hrsg.). Frankfurt/Main, 1977.
15. Apel K. O. Transformation der Philosophie. Frankfurt/Main, 1973.
16. Apel K. O. Der Denkweg von Charles S. Peirce. Frankfurt/Main, 1975.
17. Apel K. O. Die Erklären/Verstehen-Kontroverse. Frankfurt/Main, 1979.
18. Apel K. O. Szientismus oder transzendente Hermeneutik // Apel K. O. Transformation der Philosophie. Frankfurt/Main, 1973, Bd. 1.
19. Attewell P. Ethnomethodology since Garfinkel // Theory and Society. 1974. № 1.
20. Beck M. Objektivität. Hamburg, 1974.
21. Benhabib S. Rationality and Social Action // Philos. Forum. 1981. Juli. Vol. XII.
22. Bernstein R. F. Praxis and Action. Philadelphia, 1971.

23. *Bernstein R. F.* Restrukturierung der Gesellschaftstheorie. Frankfurt/Main, 1979.
24. *Böhler D.* Philosophische Hermeneutik und hermeneutische Methode // *Hartung H., Heistermann W., Stephan P. M.* Fruchtblätter. Veröffentl. d. P. H. Berlin, 1977.
25. Beiträge zur diachronischen Wissenschaftstheorie / W. Diederich (Hrsg.). Frankfurt/Main, 1974.
26. *Cicourel A. V.* The Social Organization of Juvenile Justice. N. Y., 1968.
27. *Cicourel A. V.* Cross-Modal Communication // *Cicourel A. V.* Cognitive Sociology. London, 1973.
28. *Cicourel A. V.* Theory and Method in a Study of Argentine Fertility. N. Y., 1974.
29. *Cicourel A. V.* Methode und Messung in der Soziologie. Frankfurt/Main, 1975.
30. Criticism and the Growth of Knowledge / Ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge, 1970.
31. *Eckberg D. L., Hill L.* The Paradigm Concept and Sociology: A Critical Review // American Sociological Review. 1979. №44.
32. *Feleppa R.* Hermeneutic Interpretation and Scientific Truth // Phil. Soc. Sci., II, 1981.
33. Die Philosophie der normalen Sprache / E. v. Savigny (Hrsg.). Frankfurt/Main: Suhrkamp-TB, 1974.
34. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, 1967.
35. *Giddens A.* New Rules of Sociological Method. London, 1976.
36. *Giddens A.* Habermas' Critique of Hermeneutics // *Giddens A.* Studies in the Social and Political Theory. London, 1977.
37. *Goldthorpe J. H.* A Revolution in Sociology? // Sociology. 1973. № 7.
38. *Habermas J.* Zur Logik der Sozialwissenschaften. Frankfurt/Main, 1970.
39. *Habermas J.* Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik // Hermeneutik und Ideologiekritik / J. Habermas (Hrsg.). Frankfurt/Main, 1971.
40. *Habermas J.* Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt/Main, 1973.
41. *Habermas J.* Was heißt Universalpragmatik? // Sprachpragmatik und Philosophie/ K.O. Apel (Hrsg.). Frankfurt/Main, 1976.
42. *Hesse M.* In Defence of Objectivity // Proc. Aristol. Soc. 1972. London, 1973.
43. *Husserl E.* Formale und transzendente Logik // Jb. f. Philos. u. Phänom. Forschg. Bd. X. Halle, 1929.
44. *Hutcheson P.* Husserl's Problem of Intersubjectivity // J. Brit. Soc. Phenomenol. 1980. №11.
45. *Kreppner K.* Zur Problematik der Messung in den Sozialwissenschaften. Stuttgart, 1975.
46. *Kuhlmann W.* Reflexion und kommunikative Erfahrung. Frankfurt/Main, 1975.
47. *Kuhn Th.* Die Entstehung des Neuen. Frankfurt/Main, 1971.
48. *Lorenzen P.* Normative Logic and Ethics. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1969.
49. *Lorenzen P.* Szientismus vs. Dialektik // Hermeneutik und Dialektik I / R. Bubner, K. Cramer, R. Wiehl (Hrsg.). Tübingen, 1970.
50. *Lorenzen P., Schwemmer O.* Konstruktive Logik, Ethik und Wissenschaftstheorie. Mannheim, 1973.
51. *Lorenzer A.* Sprachzerstörung und Rekonstruktion. Frankfurt/Main, 1970.
52. *MacIntyre A.* Rationality and the Explanation of Action // *MacIntyre A.* Against the Self Images of the Age. London, 1971.
53. *McCarthy Th. A.* Einwände // Transzendentalphilosophische Normenbegründungen / W. Oelmüller (Hrsg.). Paderborn, 1978.
54. *McHugh P.* On the Failure of Positivism // Understanding Everyday Life / Ed. by J. D. Douglas. London, 1971.
55. *McHugh P.et. al.* On the Beginning of Social Inquiry. London, 1974.
56. *McIntyre A.* Das Unbewußte. Frankfurt/Main, 1968.
57. *Mischel Th.* Psychologische Erklärungen. Frankfurt/Main, 1981.

58. Neue Versuche über Erklären und Verstehen / Hrsg. K. O. Apel, J. Manninen, R. Tuomala. Frankfurt/Main, 1978.
59. *Ryan A.* Normal Science or Political Ideology? // Philosophy, Politics and Society /Ed. by P. Laslett, W. G. Runciman, Q. Skinner. Vol. 4. Cambridge, 1972.
60. *Schelling W. A.* Sprache, Bedeutung, Wunsch. Berlin, 1978.
61. *Schönrich G.* Kategorien und transzendente Argumentation. Frankfurt/Main, 1981.
62. *Schütz A.* Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Wien, 1932.
63. *Schütze F., Meinfeld W., Springer W., Weymann A.* Grundlagentheoretische Voraussetzungen methodisch kontrollierten Fremdverstehens // Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit / Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hrsg.). 2 Bde. Reinbeck: Rowohlt, 1973, Bd. 2.
64. *Skjervheim H.* Objectivism and the Study of Man // Inquiry. 1974. №17.
65. *Theunissen M.* Der Andere. Studien zur Sozialontologie der Gegenwart. Berlin: de Gruyter, 1965.
66. *Tugendhat E.* Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger. Berlin, 1970.
67. Understanding and Social Inquiry /Ed. By F. R. Dallmayr, Th. A. McCarthy. Notre Dame, 1977.
68. *Weber M.* Methodologische Schriften. Frankfurt/Main, 1968.
69. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Köln, 1964.
70. Werturteilsstreit / A. Albert., E. Topitsch (Hrsg.). Darmstadt, 1971.
71. *Wilson Th. P.* Theorien der Interaktion und Modelle soziologischer Erklärung // Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit /Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hrsg.). 2 Bde. Reinbeck: Rowohlt, 1973.
72. *Wolin Sh. S.* Paradigms and Political Theories // Politics and Experience /Ed. by P. King, B. C. Parekh. Cambridge, 1968.
73. *Wright G. H. v.* Erwiderungen // Neue Versuche über Erklären und Verstehen/ K. O. Apel, J. Manninen, R. Tuomala (Hrsg.). Frankfurt/Main, 1978.
74. *Wrighton D.* The Problem of Understanding // Philosophy. Sociology. Science. II. 1981.
75. *Zimmermann D. H.* Ethnomethodology // American Sociologist. 1978. №13.
76. *Zimmermann D. H., Power M.* The Everyday World as a Phenomenon // Understanding Everyday Life / Ed. by J. D. Douglas. London, 1971.